

Валерий МИХАЙЛОВ

ГАБРИЭЛЬ

@ЭЛИТА

16+

Зеркало Пророка

Валерий Михайлов

Габриэль

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Михайлов В.

Габриэль / В. Михайлов — Электронное издательство "Аэлита",
2013 — (Зеркало Пророка)

«Габриэль» – первый роман из серии «Зеркало Пророка». Действие разворачивается в Шотландии 18–19 веков. Главный герой романа, Габриэль Мак-Роз в 12 лет лишается родителей, которых убивают в собственном доме подосланные братом герцога Корнуэльского убийцы. В тот же день погибает и сам герцог, а в его смерти обвиняют родителей Габриэля. Мальчику чудом удается спастись. Чтобы выжить, он отправляется в Эдинбург, где становится секретарем главаря преступного мира. Позже, уже повзрослев, он узнает от спасшего его в детстве жреца друидов о том, что его судьба связана с неким Зеркалом Пророка, которое требует от него не только вернуть доброе имя семьи и отомстить убийцам, но и обрести лицо. В истории Габриэля достаточно приключений, изящного юмора и мистики.

© Михайлов В., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Маленькое предисловие	6
История первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валерий Михайлов Габриэль

© ЭИ «@элита» 2013

* * *

Я пишу книгу не для школьной библиотеки, а для чтения зимними вечерами, когда занятия в классах уже закончены, и приближается время сна.

Р. Л. Стивенсон «Похищенный»

Наша жизнь состоит из того, что мы о ней помним.
Август к

Маленькое предисловие

Этот роман посвящается моей маме, которая увидела большую его часть во сне. В течение трёх ночей она прожила во всех деталях еще одну «дополнительную» жизнь: жизнь Габриэля Мак-Роза.

Конечно, мне пришлось внести некоторые изменения в её рассказ. Я убрал все те нелепые нагромождения, что присутствуют в любом сне; добавил немного мистики в традициях Кастанеды; добавил несколько сюжетных ходов, первую главу и саму историю Зеркала.

В остальном эта книга является правдивым описанием сна или иной, параллельной жизни, прожитой моей мамой.

История первая

Для Шотландии семнадцатый и восемнадцатый века были далеко не лучшим периодом времени: борьба за независимость, религиозные войны, междоусобица, экономические санкции... В 1690-х годах голод уничтожил практически треть населения этой страны. В 1692 году английское правительство устроило то, что сейчас назвали бы этнической чисткой. В 1707 году Парламент Шотландии одобрил Акт Единства (Act of Union), объединявший две страны в одну, резко непопулярный в народе обеих стран. В соответствии с Актом, оба парламента должны были быть заменены новым Британским Парламентом, основанным в Лондоне, где от Шотландии должно было быть 45 членов парламента и 16 пэров. В 1715 году произошло якобинское восстание. Многие люди лишились своих земель, другие жизнью...

В 1699 году из далёкой, а для большинства шотландцев мифической России в Эдинбург приехал русский дворянин граф Макар Фёдорович Розанов с молодой женой Ольгой, чтобы остаться в Шотландии навсегда. Одно время его отъезд бурно обсуждали в России. Одни (те, кто совершенно ничего не знал о Шотландии) говорили, что, устав от петровских реформ, он решил перебраться в более спокойное место. Другие считали, что он был связан со стрелецким восстанием 1698 года, и вынужден был бежать из родной страны туда, где его не достанут руки российского императора. В 1698–99 годах было казнено 1182 стрельца, 601 был сослан. Следствия и казни продолжались до 1707 года. Было ещё одно мнение, которое передавалось шёпотом среди приближённых Петра: говорили, что Розанов был послан в Шотландию лично государем-императором, чтобы там служить интересам России или, говоря проще, заниматься разведкой.

Макар Фёдорович Розанов поселился в доме на улице Ройял Майл (Королевская Миля). Он переименовал на местный лад свое русское, труднопроизносимое имя и стал Майком Мак-Розом или Майком, сыном Роза, что вполне можно считать сокращённым вариантом фамилии Розанов.

Обосновавшись немного на новом месте и узнав, что почём, он весьма удачно приобрёл небольшое, но достаточно ценное поместье в двух днях неторопливой езды от столицы. Это был живописный участок плодородной земли, столь редкой на севере и в центре Шотландии. Хозяином Розанов был хорошим, и его дела шли в гору, несмотря на постоянные междоусобицы и войны.

К своим сорока годам граф Бертран Мак-Роз, сын Макара Фёдоровича Розанова, имел всё, о чём только можно было мечтать. Благодаря умелой политике и гибкому уму он не только не потерял родительские земли, но и смог значительно увеличить своё поместье. При этом он не потерял лица, ни перед англичанами, ни перед шотландцами, которых совершенно искренне считал своими соотечественниками. 14 лет назад он познакомился во Франции на водах с красавицей Еленой Фёдоровной Жанровой, дочерью небогатого русского дворянина-помещика, она вскоре стала его женой. Женился граф по любви, несмотря на то, что этот брак был далеко не самым выгодным из возможных. Двенадцать лет назад у них родился сын: Габриэль Мак-Роз. Роды были тяжёлыми. Графиня чудом осталась жива, но стала бесплодной.

Так Габриэль стал единственным ребёнком и любимцем Мак-Розов. Несмотря на это, он был воспитан как настоящий мужчина. Окружив Габриэля любовью, родители, тем не менее, делали всё, чтобы их сын вырос сильным, крепким, выносливым человеком. В свои 12 лет он прекрасно ездил верхом, отлично владел шпагой, пистолетами и ружьём, умел читать и писать, знал основы математики... В общем, он получил весьма хорошее образование. На учителей отец денег не жалел.

Жили Мак-Розы в красивом просторном доме, построенном самим графом. Вокруг дома был разбит английский парк с настоящим озером с западной стороны дома. Из северных и

восточных окон были видны пасущиеся на лугах коровы и овцы. На юге, сразу за забором, начинался лес. Здесь царили мир и покой. Казалось, война почтительно обходила стороной эту землю.

Большую часть своих земель граф отдал в аренду фермерам. Он получал вполне приличную арендную плату, которой вполне бы хватило на довольно-таки безбедную жизнь. Кроме этого он получал хороший доход от нескольких предприятий в колониях, так что имущество графа приумножалось с каждым годом.

В тот день, или, лучше сказать, в ту ночь ничто не предвещало беды. Не было ни грозы, ни ливня, которые всегда сопровождают подобные события в романах. И даже няне юного Габриэля, всегда видевшей вещие сны, не приснилось ничего такого, на что стоило бы обратить внимание. Это случилось одной из тех летних ночей, когда сон особенно сладок и беззаботен. Их было двадцать. Двадцать ночных убийц, воспользовавшихся предательством одного из слуг, чтобы незаметно проникнуть в дом. Надо отдать им должное: предатель умер одним из первых. Они убивали тихо, и если бы не короткий предсмертный крик дворецкого...

Граф и графиня встретили гостей во всеоружии. Граф ждал их у двери в спальню со шпагой и кинжалом. Графиня стояла за его спиной с пистолетами в руках. В спальню сына можно было попасть только через их комнату, и, следовательно...

Первого гостя граф проткнул шпагой. Ещё двоих уложила графиня. Отбросив ненужные пистолеты, она обнажила шпагу. Граф прекрасно держал оборону возле узкой двери. Со стороны детской в комнату вбежала испуганная няня Габриэля – полная женщина невысокого роста лет пятидесяти. Она была одной из местных крестьянок.

– Уведи его, – приказала ей графиня по-русски, – ты знаешь, куда.

Убийцы оказались сообразительными. Убедившись, что просто так с графом не совладать, они ворвались в спальню, воспользовавшись столом, как тараном. Супругам пришлось сражаться спина к спине, отсекая неприятеля от спальни ребёнка. На счету графа было ещё двое, графиня убила одного. Но вот она совершила ошибку, и сразу три шпаги пронзили её красивое тело, а ещё через несколько минут был убит и граф – кто-то из нападавших хорошо метал нож.

Проснувшийся от криков и шума Габриэль сидел на своей кровати с маленькой (но, тем не менее, боевой) шпагой в руке. В его детском сердце шла своя битва: честь и любовь к родителям требовали, чтобы он бросился в бой, страх сковывал, приказывал бежать, а чувство собственного бессилия вызывало ненависть к себе и ко всему вокруг. Габриэль не мог заставить себя принять смерть в бою и проклинал себя за малодушие. В комнату вбежала растрепанная няня.

– Габриэль, мой мальчик, пойдём, пойдём скорей, – няня говорила шёпотом и очень быстро, – пойдём, мой мальчик...

Она схватила его за руку и потащила из комнаты. К счастью, в доме был свой потайной ход. Беглецам удалось незаметно выбраться из дома. Затем ползком, под прикрытием ночной темноты, они добрались до забора, где была маленькая калитка, за которой начинался лес.

Целую вечность они бежали по тайным лесным тропам...

Габриэль лежал прямо на земляном полу. Он был закутан в старый, но добротный плед, так что было совсем не холодно. Маленькая комната, бревенчатые стены, дощатый потолок из некрашенных досок... Сильно пахло сухими травами и чем-то ещё.

За старым покрывалом, закрывающим вход в комнату, разговаривали. Няня (он узнал её по голосу) и какой-то незнакомый мужчина обсуждали события той страшной ночи.

– Бедный мальчик. Ему только двенадцать лет, – сказала няня.

Покрывало откинулось, и в комнату вошёл высокий, атлетически сложенный мужчина непонятного возраста в добротном, но заметно поношенном охотничьем кафтане. С ним была няня. У няни были заплаканные глаза.

– Я же говорил, – сказал мужчина няне.

– Слава богу!

– Здравствуй, – сказал вошедший Габриэлю, – мое имя – Джеймс. Боюсь, у меня не самые лучшие новости. Твои родители... – он сделал паузу, достаточную, чтобы Габриэль понял, что они погибли, – но это ещё не всё.

Той ночью произошло ещё одно убийство. Точно так же был убит герцог Ричард Корнуэльский. Кто-то из слуг отворил убийцам дверь и точно так же поплатился жизнью. Погибли все, кто был в доме, но прошёл слух, что герцогине и её малолетнему сыну удалось избежать смерти. Герцогом стал брат Ричарда Оскар – давний враг Мак-Розов. В убийстве герцога обвинили отца Габриэля. Кроме этого его вроде бы обвиняли в измене и подготовке нового восстания. В общем, на него навешали всех собак. Многие говорили, что именно Оскар был организатором двойного убийства, но, с одной стороны, никаких доказательств причастности к убийству герцога Оскара не было, с другой, король дорожил хорошими отношениями с герцогом, и молчаливая поддержка короля играла немаловажную роль.

– Слава богу, они не узнали главную тайну, – сказала, всхлипывая, няня, когда Джеймс закончил рассказ.

– Ты права. Но об этом позже. Габриэлю лучше поспать.

– Простите, сэръ, но я не хочу спать.

– Хочешь, – мягко, но уверенно сказал Джеймс, и глаза Габриэля закрылись сами собой.

Джеймс был прекрасным врачом, так что дела Габриэля быстро шли на поправку.

Неизвестно, чем он занимался там, в миру, но здесь, в лесу, он был жрецом-друидом. Он умел разговаривать с животными и растениями и, постигая их желания, заставлял служить себе. Он мог разбудить спящие под землёй семена, добыть воду в пустыне, управлять погодой, превращаться в диких зверей, повелевать стихиями.

С друидами была связана главная тайна семьи Мак-Розов: все они принадлежали к этой древней вере, вытесненной впоследствии христианством с кельтских земель. Макар Фёдорович Розанов, всегда симпатизировавший славянскому язычеству, встретившись с друидами, нашёл их веру истинной, и позже передал её по наследству сыну, который вовлёк в неё жену и всех домочадцев. Узнай герцог Оскар об этом, и ему не надо было бы придумывать способ прибрать к рукам графские земли. Несмотря на то, что святая инквизиция вместе с католицизмом остались для Шотландии в прошлом, преступление против бога все ещё было одним из самых серьёзных. Поэтому друидам постоянно приходилось быть начеку. Внешне они казались такими же христианами, как и все остальные люди. Они регулярно бывали в церкви, исповедовались, причащались, соблюдали пост и иные церковные правила, но в «особые» дни они под разными предлогами отправлялись в лес, где встречались в условленном месте.

Именно знание тайных лесных троп и особенное устройство дома, позволявшее его обитателям незаметно уходить в лес, помогли Габриэлю спастись.

Джеймс был отличным учителем, а Габриэль – хорошим учеником. Потребовалось всего несколько месяцев, чтобы мальчик научился чувствовать лес, разговаривать с деревьями и понимать язык природы.

– Если так и дальше пойдёт, скоро ты сможешь меня заменить, – часто говорил, улыбаясь, Джеймс, но этому не суждено было произойти.

– Боюсь, у меня снова плохие новости, – сказал он как-то вечером Габриэлю, – твоя няня должна была вернуться ещё три дня назад.

Няня отправилась в ближайшую деревню за тёплыми вещами и свежими сплетнями относительно убийств.

– В лучшем случае она мертва, – продолжил Джеймс, и Габриэль с болью в сердце понял, что он имел в виду. – В любом случае здесь больше оставаться нельзя.

– Куда мы пойдём? – спросил Габриэль, стараясь держать себя в руках.

– Я уйду дальше в лес, а тебе лучше отправиться в Эдинбург. Судьба посылает тебя туда.

– Почему я не могу пойти с тобой?

– Потому что этого не хочет твоя судьба, и если бы ты был достаточно спокоен, ты бы смог понять это и сам.

– А ты на моём месте был бы спокоен?

– Не думаю.

– А если меня узнают?

– Ты давно уже не похож на того юного графа, которого все считают погибшим.

Он был прав – сейчас Габриэль выглядел как оборванец.

Ночь они провели возле костра, который Джеймс сложил в виде ритуальной магической фигуры. Они сидели, протянув к огню ладони, чтобы он поделился своей волшебной силой. Утром после сытного завтрака они распрощались.

– Надеюсь с тобой вскоре увидеться, – сказал Габриэлю Джеймс. – Оставляю тебе этот дом, но приходи сюда только в случае крайней необходимости и помни: твой главный заступник – лес.

– Клянусь, я убью герцога Оскара! – сказал Габриэль, прощаясь с Джеймсом.

– Думаю, у тебя будет такая возможность, – ответил тот, – но я на твоём месте отдал бы все силы на создание собственного лица.

Габриэль тогда не понял, что хотел сказать ему Джеймс, но, тем не менее, слова жреца запомнились ему на всю жизнь.

Восемь дней Габриэль плутал по лесу, пробираясь в город. Еду он добывал, охотясь на мелкую живность при помощи хитроумных силков и капканов, как учил его сначала отец, а потом и Джеймс. Утром девятого дня он вышел к Эдинбургу со стороны Ланг-Дэйкс – просёлочной дороги, ведущей в город с северной стороны. Перед Габриэлем предстал весь Эдинбург, который начинался с замка, стоявшего на утесе над лохом, и продолжался длинными рядами шпилей и крыш с дымящимися трубами. Габриэлю стало грустно. Он словно заглянул в глаза неизвестности, и её взгляд не предвещал ничего хорошего.

На берегу залива Габриэль сделал последний привал. Он доел остатки зайчонка, пойманного два дня назад в лесу, запил водой из ручья и отправился дальше навстречу неизвестности.

Громадный и сумрачный город встретил его без малейшего намёка на дружелюбие. Город подавлял Габриэля своими высокими каменными домами, запутанными переходами и закоулками, узкими как ущелья улицами. . . Ни один чужак не смог бы здесь отыскать нужный адрес или человека. Для этого нанимали мальчишек-проводников или кэдди. И повсюду был серый камень: каменные стены, каменные ограды вокруг церквей, мощённые камнем улицы.

Оборванный и голодный Габриэль бродил по городским улицам, стараясь всеми силами не поддаваться всё нарастающему отчаянию. Он был совершенно один в этом огромном чужом городе, голодный, без средств к существованию, без каких-либо планов на будущее. Воровать или просить милостыню. . . Подобные мысли не могли прийти в голову юному графу.

– Пошёл с дороги, щенок!

На Габриэля налетел здоровенный мужик с большой корзиной хлеба. Он грубо отшвырнул мальчика в сторону, при этом одна булка хлеба упала на землю. Габриэль схватил хлеб и принялся его жадно есть.

Габриэля окружили такие же оборванцы, как и он. Среди них выделялся рыжий толстяк, которому на вид было лет четырнадцать.

– Кто разрешил тебе жрать наш хлеб? – спросил он, стараясь выглядеть как можно более грозным.

– Это мой хлеб. Я первый его нашёл, – с обидой в голосе ответил Габриэль и зло посмотрел на толстяка.

– Он его нашёл, – толстяк неприятно засмеялся. – Ты нашёл его в нашем городе. Это все равно, что найти кошелек в чужом кармане. Ты – вор, а знаешь, что мы делаем с ворами? С ворами мы вершим правосудие.

– Обычно правосудие вершат над ворами, – поправил его Габриэль, – а то, что творят с ворами, обычно называется беззаконием и произволом.

Он уже понял, что драки не избежать, и поэтому не старался быть особо любезным.

– Ты ещё будешь указывать! – рявкнул толстяк, доставая нож. – Надеюсь, у тебя есть хорошие адвокаты? – нарочито серьёзно спросил он.

Шутка была встречена громким смехом. Одному только Габриэлю было не до острот.

– Давай, Кадор, покажи этому нахалу, – закричал тощий мальчишка с огромным синяком под глазом. Остальные подхватили его крик.

Кадор (так звали толстяка) принялся всячески оскорблять Габриэля под одобрительные возгласы и смех приятелей. Уверенный в лёгкой победе, он решил показать себя в остроумии, придумывая своей жертве как можно более смешные и оскорбительные прозвища. Это промедление стало спасительным для Габриэля. Гнев позволил ему справиться с отчаянием, а игра толстяка на публику – оценить ситуацию. Кадор, хоть и был значительно старше и крупнее, кое в чём уступал Габриэлю: он был толстым, и, следовательно, менее подвижным, к тому же он был мужланом, тогда как Габриэля воспитывали воином. Плюс ко всему Кадор был уверен в лёгкой победе, что тоже было на руку Габриэлю.

Выждав момент, Габриэль бросился на противника. Он достаточно легко выбил у Кадора нож и сбил его с ног.

– Спасибо за адвоката, – процедил он сквозь зубы.

– Ничего, я тебя и так достану, сучёныш, – огрызнулся Кадор, поднимаясь на ноги.

Он уже успел пожалеть, что связался с этим оборванцем, но отступить было поздно: поражение лишило бы его авторитета среди приятелей, чего толстяк позволить себе не мог ни при каких условиях.

Габриэль приготовился защищаться до конца. Он понимал, что рано или поздно на него набросится вся банда, и тогда... Близость смерти преобразила мальчика, превратив его из жалкого оборванца в готового к смертельной битве воина. Эта перемена не укрылась от мальчишек. Стало тихо. Кадор не спешил нападать, остальные...

– Стойте! – в круг ворвался ещё один парень. Высокий и бледный, несмотря на одежду бедного лавочника, он был чем-то похож на аристократа.

– Не лезь, Маб, тебя это не касается, – зло процедил сквозь зубы Кадор.

– Меня касается всё, что происходит в городе, а если тебя это не устраивает, поговори с Филином.

– Я должен с ним разобраться.

– Раньше надо было разбираться. Теперь его хочет видеть Филин. Или для тебя это уже ничего не значит?

Кадор злобно выругался.

– Можешь ругаться, сколько угодно.

– Небось, ты успел уже доложить? – он зло посмотрел на Маба.

– Не твоё дело. Тем более что, скорее всего, он бы надрал тебе задницу.

– С тобой я тоже когда-нибудь разберусь, как разобрался бы с этим заморышем.

– Хочешь это сделать прямо сейчас?

Их глаза встретились – злобные, полные ненависти и гнева глаза Кадора и спокойные глаза Маба, глаза человека, чувствующего своё превосходство.

Кадор отвел глаза первым.

– Считаю, что тебе повезло, – сказал он Габриэлю и демонстративно плюнул на землю. – Тебя хочет видеть хозяин. Молись, чтобы он не отдал тебя мне.

– Тебе тоже стоит об этом молиться, – ответил ему Габриэль.

– Пойдём, – пригласил Габриэля Маб.

Они свернули в узкий переулок, прошли пару кварталов, свернули ещё и очутились возле лавки старьевщика. Внутри, в тёмной, грязной комнате беспорядочно валялся никому не нужный хлам.

– Жди здесь, – приказал Маб и скрылся за грязным ковром, закрывающим дверь в другое помещение.

– Иди, он ждёт.

За ковром была широкая, деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Там начинался совсем другой мир, мир богатства и роскоши. Даже родительский дом выглядел намного беднее по сравнению с покоями Филина. Вместе с богатством в глаза бросалась и полная безвкусица хозяина. Пройдя через приёмную, Габриэль вошёл в просторный кабинет, где за большим столом красного дерева сидел пожилой человек, как две капли воды похожий на Филина. У него были седые, всклокоченные волосы, большие выпуклые глаза и огромный крючковатый нос, вылитый клюв совы. Филин поднял голову и пристально и немного по-птичьему посмотрел на Габриэля. Поразительное сходство этого человека с птицей заставило мальчика улыбнуться.

– Ты что ещё за чучело? Чего лыбишься? – нервно спросил Филин.

– Меня зовут Габриэль.

– Твое имя мне ни о чём не говорит и мало меня интересует. Кто твои родители, из какой ты семьи, что делаешь на улицах в таком виде?

– Мои родители умерли. В городе я первый день.

– И ты уже успел так разозлить беднягу Кадора.

– Он сам виноват.

– Конечно сам. И он заставит тебя заплатить, если я не захочу его остановить. Только не говори, что тебе не было страшно.

– Было. Но это не имело значения.

– Что ж, в твоих устах это не звучит как бахвальство. Ладно, то, что ты умеешь драться, я уже понял. Расскажи мне о других своих талантах.

– Я владею шпагой, умею ездить верхом, знаю хорошие манеры, могу читать и писать. Я получил хорошее для своих лет воспитание и образование.

– Чего ж ты тогда ходишь в лохмотьях и подбираешь хлеб с земли?

Габриэль не ответил.

– Ладно, это не моё дело. Я беру тебя в услужение. Иди вниз и позови Маба. И больше не лыбься как идиот. Тебе понятно?

– Понятно, сэр, – ответил Габриэль, еле сдерживая улыбку.

– Ступай, шельмец.

– Правила простые, – объяснял Габриэлю Маб, когда они вышли из кабинета Филина. – Никогда не спорь с Филином, делай всё, что я тебе буду говорить, молчи и никому не доверяй. Особенно Кадору. После того, что ты ему сегодня устроил, он сделает всё, чтобы тебе отомстить. Помни: Филин – человек безжалостный, но не самодур. Будешь вести себя правильно – только выиграешь. Он назначил тебя моим помощником. Считаю это хорошим знаком. Многие мечтали бы оказаться на твоём месте. Ладно, сейчас мыться, затем ужинать и спать. Завтра разбуду тебя рано. Завтра же подберём тебе приличную одежду, а эту лучше выбросить в огонь.

Так встреча, грозящая неминуемой смертью, принесла Габриэлю спасение. У него появились еда и крыша над головой, появились товарищи и относительная безопасность – Филин никому не прощал обиды, нанесённые не только лично ему, но и его людям, поэтому работа на Филина, ко всему прочему, была гарантией личной безопасности в разумных, конечно, пределах. Как сказал Маб, Филин не был самодуром или деспотом, он не цеплялся зря к людям, а если и наказывал кого-нибудь, то, разобравшись во всех деталях, и по делу. В его империи царила спокойная, деловая атмосфера, и каждый подопечный Филина мог рассчитывать на его помощь в случае чего.

Будучи умным, сообразительным мальчиком, обученным действовать, исходя из реальной жизненной ситуации, Габриэль быстро нашёл общий язык с другими беспризорниками. В этом мире он был таким же оборванцем, как и они, и он прекрасно это понимал. К тому же откровенных подонков в его новом окружении практически не было. Мальчишки были не лучше и не хуже других, а в том, что судьба распорядилась их жизнями подобным образом, большинство из них не были виноваты, как не был виноват в этом и Габриэль.

Не обошлось, правда, и без врагов. Кадор так и не смог простить Габриэлю своего позора. Он и несколько его приспешников не скрывали, что ждут первого же удобного случая, чтобы уничтожить Габриэля. Сами же нападать на него они боялись – Филин жестоко наказывал любые распри внутри своей империи.

Фактически, Кадор оказывал Габриэлю услугу своим постоянным вниманием. Он заставлял его быть всегда в форме и даже самое пустяковое дело выполнять наилучшим образом. Габриэль контролировал каждый свой шаг, оттачивал каждое слово, становясь с каждым днём всё более сильным как телом, так и духом.

Прекрасный ученик, Габриэль буквально налету схватывал основные правила теневой жизни Шотландии. Вскоре вдвоём с Мабом они уже вели практически все дела Филина, интересы которого простирались далеко за пределы этой страны. Он занимался буквально всем, начиная с контроля над мелкими воришками, заканчивая контрабандой, дворцовыми интригами и чёрт ещё знает чем.

Несмотря на то, что Маб был на несколько лет старше и являлся начальником Габриэля, очень скоро между ними возникли настоящие дружеские отношения, главной причиной которых стала поездка в Кэркосвальд – небольшой порт, жители которого поголовно кормились контрабандой. Конечно, у Филина были достаточно серьёзные деловые контакты в Кэркосвальде, но ребят он направил туда по делу, никак не связанному с контрабандой, – они должны были встретиться с неким господином Маллоу.

– Отдадите деньги, заберёте письма. И чтобы тихо. Об этом никто не должен знать. Даже я, – строго наказал им Филин перед отъездом. – И ещё, будьте предельно внимательны и осторожны. Конечно, Маллоу не настолько дурак, чтобы подменить письмо, начать торговаться или попытаться силой забрать у вас деньги. Ничего этого он делать не станет. По крайней мере, в Кэркосвальде вам бояться нечего, но если этот плут шепнёт кому-то ещё о вашем грузе, по дороге домой у вас могут возникнуть неприятности. В любом случае помните, пакет мне нужен во что бы то ни стало. Надеюсь, вопросов больше нет?

– Нет, сэр.

– Тогда убирайтесь ко всем чертям!

Маллоу они нашли в портовой пивной, где тот пил крепкое пиво. Посетителей было много. Жители Кэркосвальда отличались весёлым, беспечным нравом. Они могли за одну только ночь заработать и спустить целое состояние. Привыкшие к смертельной опасности, они не очень старались откладывать на чёрный день, так как редко кому удавалось дожить до этих самых дней. Смерть здесь была слишком близкой, поэтому все страстно любили жизнь.

Маллоу было под шестьдесят. Одевался он как моряк, хотя выглядел совершенно сухопутным человеком. Когда-то он знал лучшие времена и бывал даже при дворе, теперь же был

вынужден торговать остатками былого великолепия: сплетнями, тайнами, письмами. Больше у него ничего не имелось, зато этот товар он умел пристраивать как никто другой. Был он высоким, крепким, благообразным. Лицо его казалось тупым, а манеры – начисто лишёнными того изящества и лоска, что свидетельствуют о хорошем воспитании. Маллоу казался благодушным, довольным своей жизнью стариком, лишённым ума и сообразительности, но это являлось только маской, за которой скрывался подлый, расчётливый, холодный ум.

– Господин Маллоу? – спросил Маб.

– Чем могу быть полезен столь юным джентльменам?

– Насколько я понимаю, вы ждёте именно нас.

– Не совсем так, мой юный друг. Я жду нечто осязаемое, что должен передать мне друг.

Но если вы явились именно за этим, я чертовски рад нашей встрече.

– В таком случае у вас тоже должно быть кое-что осязаемое для нас.

– К сожалению, вам придётся немного подождать.

– Потрудитесь объяснить, сэр.

– Дело в том, что я только посредник. Настоящий владелец немного опаздывает, но я думаю, что скоро он порадует меня своим обществом.

– И как скоро вы рассчитываете испытать это чувство радости?

– Не позднее завтрашнего дня. Сегодня суббота, так что небольшая задержка... – он не договорил.

– Хорошо. Мы остановимся в «Пегом олене».

– Разумеется. Другой гостиницы здесь просто нет.

В те времена на шотландских, да и на английских дорогах существовал обычай останавливаться на воскресенье в каком-либо городе. Путешественник мог спокойно сходить в церковь, а его конь – дальние поездки совершались обычно верхом – насладиться однодневным отдыхом. При этом хозяин главной гостиницы города в воскресенье приглашал всех постояльцев разделить его семейную трапезу. Единственной платой, которую разрешалось предложить или принять, была бутылка вина, её распивали сразу же после обеда за здоровье хозяина.

Выехать из Кэркосвальда друзья смогли только после обеда. Маллоу с наигранной любезностью принес извинения за задержку, пересчитал деньги и только после этого передал Мабу небольшой, завёрнутый в промасленную бумагу прямоугольный свёрток.

– А теперь, господа, прошу меня простить, – буркнул он, выпроваживая ребят из своего номера в том же «Пегом олене».

– Поторопись, – сказал Маб Габриэлю, когда они остались одни. – Надо убираться отсюда как можно быстрее: не нравится мне этот Маллоу.

– Мне тоже он совершенно не понравился.

– Тогда не будем терять времени.

Они рассчитались с хозяином, оставив ему щедрые чаевые, и помчались прочь из Кэркосвальда. Маб так быстро скакал впереди, что Габриэль еле поспевал за ним. Сразу за городом начинался лес, где за каждым деревом мог прятаться враг, и от этого настроение Маба стало ещё хуже.

Впереди было узкое ущелье, поросшее густым кустарником, среди него петляла чуть заметная тропа.

– Если что, скачи, не оглядываясь, – приказал Маб.

Пакет был у Габриэля.

Ущелье их встретило выстрелами. Лошадь Маба рухнула на землю.

– Скачи! – приказал он Габриэлю.

Но вместо того, чтобы спасти пакет, Габриэль бросился в бой. Он разрядил свои маленькие пистолеты в одного из нападавших, другого ловко заколол шпагой. За спиной Габриэля

прогремел выстрел, затем другой. Это отстреливался Маб. Значит, он остался достаточно цел, чтобы стрелять. Габриэль пришпорил коня – надо было выручать друга.

Узнай об этом Филин, друзей ждала бы неминуемая смерть, но дружба или товарищество были для Габриэля важнее собственной безопасности, и он подоспел вовремя: не очень крепкий физически Маб с большим трудом отбивался от троих противников. Его не нужные уже пистолеты валялись на земле. Габриэль вновь выхватил свои, теперь уже не заряженные, и запустил их в нападавших, одного из которых серьёзно ранил в голову.

– Запрыгивай! – крикнул он, останавливая коня.

Маба не пришлось спрашивать дважды, и вдвоём, на одном коне, они помчались напролом через кусты.

Конечно, то, что они смогли уйти, было настоящим чудом, но не только. Противник ожидал встретить ничего не подозревающих детей, к тому же оружие в те времена было запрещено, и наличие у друзей столь мощного арсенала совершенно не было предусмотрено нападавшими. Столкнувшись с решительным сопротивлением, противник растерялся, чем и воспользовались друзья.

– Ты должен был меня бросить, – сказал Маб, когда они решились ненадолго остановиться, чтобы лошадь смогла отдохнуть.

– А ты бы меня бросил?

– Можешь быть в этом уверен.

– У меня и так уже умерло слишком много друзей. Практически все. Так что кроме тебя у меня больше нет ни единого друга, – признался Габриэль.

– У меня тоже. Для Филина я никто, для Кадора и его шайки – чужак дворянского происхождения, для остальных...

– Так ты дворянин?

– Только будь добр, никому не говори об этом.

– Даже тебе?

Друзья весело рассмеялись.

Маб был из рода Мак-Грегоров – мятежного клана, бывшего в те времена вне закона. Его отца – небогатого землевладельца – казнили за участие в антиправительственном выступлении.

Основателем своего клана Мак-Грегоры считают Грегора, или Григория, который будто был третьим сыном короля скоттов, Алпайна, царствовавшего около 787 года. Во время непрекращавшихся войн за независимость Шотландии соседи Мак-Грегоров Аргайлы и Бредалбейны умудрились получить дарственные грамоты на земли Мак-Грегоров.

Обманутый клан силой отстаивал свои права и довольно часто добивался победы, которой пользовался достаточно жестоко. В столице их вполне естественное поведение изображалось как следствие необоснованной жестокости, единственным средством против которой было искоренение всего племени.

Окончательным поводом для решительных действий против Мак-Грегоров стало их выступление во время якобинского восстания 1715 года...

Другим, не менее важным, чем встреча с Филином, событием для Габриэля стало его знакомство с маркизой Элеонорой Отис.

Была Элеонора высокой, стройной красавицей. Лицо античной богини, белая кожа, чёрные волосы и глаза, в которых сверкали искорки. Она имела властный, независимый характер и не боялась ни бога, ни чёрта, и уж тем более суждений поборников нравственности.

Тогда ей было около двадцати, и она отметила уже два года достаточно удачного замужества. Маркиз, сумевший волею случая оказаться на верной стороне во время второго якобинского восстания 1745 года, проявил себя в битве при Каллодене. Сумев правильно этим

воспользоваться, он делал стремительную карьеру военного. Из-за этого он был в постоянных разъездах, что делало его очень милым в глазах жены.

– То, что мы встречаемся от случая к случаю, украдкой, помогает нам сохранить всю прелесть свежести отношений. Мы всё ещё остаёмся любовниками, несмотря на узы законного брака, – говорила маркиза.

Маркиз был создан для того, чтобы быть идеальным мужем, то есть для того, чтобы гордо носить на своей красивой голове ветвистую корону, тщательно взращиваемую супругой. Он обожал маркизу, считал супругу ангелом, не способным «на такое» и, наверно, единственный из их окружения не знал о её шалостях. Надо отдать маркизе должное, она никогда не злоупотребляла наивностью мужа, и в эти любовные интриги оставались посвящены только немногие близкие друзья.

– Любовь должна быть красивой, – говорила она, – подобно птице она должна парить в небе высоких чувств и избегать низости разоблачения и скандалов.

В общем, маркиз мог гордо и с достоинством носить своё звание мужа.

Главной страстью маркизы было коллекционирование. Первой её коллекцией являлся прекрасный, наверно, самый прекрасный в Шотландии зимний сад, где удалось собрать редкие растения чуть ли не со всего света. Причём каждое получало соответствующие условия обитания и уход.

В качестве второй коллекции маркизы выступал её салон, где два раза в неделю собирались весьма интересные люди. Многие из них разыскивались у себя на родине как опасные преступники, а другие были поэтами, художниками, музыкантами. Третьи...

Единственной запрещённой темой в салоне была политика.

– Если вам нечего больше сказать, лучше молчите, – обрывала она любого, кто пытался нарушить запрет, – это самая низкая из считающихся приличными тем, способная своими миазмами отравить дух моего дома. Молчите, иначе мои драгоценные растения просто завянут, а этого я вам уже не прощу.

Познакомил их Роберт Ричмонд – бедный дворянин из горной Шотландии. Потеряв всё из-за якобинского восстания, он вынужден был покинуть родные места и отправиться на заработки, куда глаза глядят. В конце концов, он осел в Эдинбурге, где занялся торговлей дорогой контрабандой, и маркиз оказался в числе его клиентов.

Ричмонд был готов на всё, чтобы стать одним из тех немногих, кому открыт доступ в салон маркизы, где собирались, как сказал один из завсегдатаев, самые исключительные люди. Сам Ричмонд не являлся исключительным человеком, что автоматически закрывало перед ним двери салона. Желание стать вхожим сюда стало для него настоящим наваждением. Однажды он даже сам попытался попроситься на приглашение.

– Вы мне не интересны, – отмахнулась от него маркиза.

– А если я познакомлю вас с тем, кого вы с радостью захотите видеть у себя в салоне? – спросил он, хитро глядя в глаза: оказавшись несостоятельным в качестве невесты, Ричмонд решил пробраться на свадьбу в качестве свахи.

– И с кем же вы можете меня познакомить? – лениво спросила маркиза, ей уже порядком надоел этот человек.

– С личным секретарём и советником самого могущественного преступника нашего города, настолько таинственным, что даже сам король ночной империи не знает, что он за птица. Он молод, красив, интересен, умеет себя вести.

– Он действительно таков, как вы говорите? – этот вопрос маркиза задала уже с подлинным интересом.

– Вы можете сами в этом убедиться. Только скажите, и я приведу его к вам.

– Хорошо. Я приму вас в четверг в четыре.

– В четверг в четыре мы будем у вас!

На следующий день в непростительно раннее время Ричмонд что было сил колотил в дверь дома Филина, все обитатели которого спали крепким сном. Наконец, щёлкнул замок, и дверь слегка приоткрылась.

– Что надо? – буркнул один из мальчишек Филина, недовольно глядя на столь раннего посетителя.

– Это шевалье Ричмонд. Мне нужен господин Габриэль. Он меня знает.

– Подождите, – сказал мальчишка и захлопнул дверь.

Габриэль жил в доме Филина, где делил с Мабом комнату рядом с его кабинетом. Филину это было удобно, так как они всегда были под рукой, если, конечно, не выполняли очередное задание.

Через несколько минут дверь снова отворилась. На этот раз её открыл Маб.

– Что вам угодно? – спросил он холодно Ричмонда.

– Мне нужен Габриэль.

– Он спит.

– Так разбудите!

– У него была трудная, бессонная ночь. Так что приходите позже.

– Это срочно.

– Ладно, я постараюсь его разбудить. Подождите пока здесь.

Сказав это, Маб нырнул за ковёр, закрывающий лестницу на второй этаж в покои Филина.

– Что случилось? – недовольно спросил Габриэль.

У него действительно была трудная ночь, которую он провел в седле под проливным дождём и сильным, холодным ветром. Он вернулся домой каких-то пару часов назад. Выпил разогретого вина и забрался под одеяло. Утренний визитёр был совсем некстати. Его поведение могло оправдать разве что известие о приближающемся конце света.

– Вы не представляете, что я для вас сделал! – таинственно улыбаясь, воскликнул Ричмонд.

– Вы подняли меня с постели после бессонной ночи.

– Поверьте, дружище, это того стоит.

– Только давайте без пафоса и театральщины.

– Я добился для вас аудиенции у маркизы Отис.

– Что, прямо сейчас?

– Она будет нас ждать в четверг в четыре часа.

– И ради этого вы подняли меня на ноги ни свет ни заря?!

– Я думал, чем раньше вы услышите эту новость...

– Лучше бы вы меньше думали. К тому же, я не просил вас ни о каких аудиенциях, – резко оборвал его Габриэль. – И с какой стати ей меня приглашать?

– Я сумел заинтересовать её вашей персоной, – гордясь собой, произнес Ричмонд.

– Вы посмели болтать обо мне?! Представляю, что вы ей наговорили. Хвастливый, болтливый дурак!

– Что за шум? – вмешался в разговор Филин, которого разбудил сначала стук в дверь, а потом и громкие голоса.

– Ваш секретарь лишён чувства благодарности. Вместо того чтобы меня отблагодарить, он...

– К делу.

– Я добился для него аудиенции у маркизы Отис. Вы можете себе представить, чего мне это стоило? А он отказывается туда идти.

– Оставьте нас вдвоём, я разберусь.

– Тебе обязательно надо там быть, – сказал Габриэлю Филин, когда они остались вдвоём, – маркиза Отис – умная женщина. К тому же сплетни, обсуждаемые в её салоне, легко

могут превратиться в золото. Так что этот напыщенный болван по-своему прав. Постарайся её очаровать.

– Позвольте представить, маркиза, мой друг Габриэль.

– Габриэль?.. – спросила она, ожидая, что кто-то из молодых людей произнесёт его фамилию.

– Габриэль. Просто Габриэль.

– Элеонора, – она протянула Габриэлю руку, которую он изящно поцеловал.

Маркиза сразу же поразила Габриэля своей необычной красотой, что не могло не отразиться на его открытом, мужественном лице. Маркиза приветливо улыбнулась – она уже давно освоила в совершенстве искусство чтения по человеческим лицам.

– Чай, господа?

– С удовольствием.

За чаем они вели пустые разговоры – обсудили несколько новых пьес, вспомнили пару сплетен, поговорили о погоде...

Габриэль легко поддерживал разговор, он показал себя хорошо воспитанным молодым человеком, чего нельзя было сказать о Ричмонде. Тот, решив, что знакомство с интересным человеком автоматически делало интересным и его, из кожи вон лез, чтобы произвести приятное впечатление, и к концу чаепития был в печёнках как у маркизы, так и у Габриэля.

– Милый Ричмонд, – сказала маркиза, посмотрев на часы, – извините, что злоупотребляю вашей любезностью. Совсем забыла.

– О чём?

– Вы же говорили, что сегодня у вас есть дело, простите. Это совсем вылетело у меня из головы.

– Вы ошибаетесь, у меня нет сегодня дел.

– Полно вам, шевалье, я не могу себе позволить вас больше задерживать.

Габриэль тоже собрался идти, но она его остановила.

– Не оставляйте меня наедине со скукой.

– Вы совсем не похожи на своего друга, – сказала маркиза, когда красный от злости Ричмонд оставил их, наконец, вдвоём.

– Возможно, так говорить нехорошо, но я не могу назвать этого человека своим другом.

– Что ж, это делает вам честь.

– Я не знаю, что он вам обо мне наговорил...

– Ничего, что могло бы быть правдой. По крайней мере, вы не похожи на злого лесного разбойника, приставляющего нож к горлу незадачливого путника.

– Наверно, это потому, сударыня, что я приставляю нож разве что к гусиному перу, когда пытаюсь его заточить. Моя жизнь не настолько безумна, как вы могли бы себе представить после его слов.

– На бумажного червя, мой друг, вы совсем не похожи.

– Наверно, это потому, что я далеко не червь.

– Пожалуй, с этим вряд ли кто рискнет не согласиться. Сколько вам лет?

– Семнадцать.

– Знаете, Габриэль... Вы, сами, не ведая того, задали мне трудную задачу, которую я вряд ли смогу решить без вашего участия.

– Я к вашим услугам.

– Дело в том, что я хотела бы видеть вас частым гостем своего салона. Вы молоды, красивы, загадочны, воспитаны. Вы выглядите как дворянин, но у вас нет имени, а это непροститительное упущение. Жизнь устроена так, что без имени, какими бы замечательными мы ни были, мы никто.

– Я привык к тому, чтобы быть никем.

– Бросьте! Не стоит обманывать ни меня, ни себя. Ваша привычка не более чем манёвр, вынужденное перемирие в сражении с судьбой. Вы готовы терпеть своё положение лишь потому, что у вас есть надежда стать кем-то.

Габриэль побледнел: никто ещё не мог вот так открыто смотреть ему в душу.

Маркиза улыбнулась.

– А посему, раз вы не можете пользоваться своим именем, – сказала она после небольшой паузы, – придётся обзавестись чужим. И чем более загадочным оно будет, тем лучше.

– Не думаю, что мне это необходимо.

– И совершенно напрасно. Имя при умелом использовании может быть как скрывающим нас от посторонних взоров покровом, так и наоборот, блеском, привлекающим всеобщее пристальное внимание. Владеть именем надо так же искусно, как и шпагой, если даже не более виртуозно. Правильное имя откроет перед вами двери многих домов, как в Эдинбурге, так и за пределами Шотландии. Вас будут принимать, как одного из нас. Конечно, в наших домах бывают поэты, художники, музыканты, но они всегда остаются гостями. Отсутствие имени, дворянского имени навсегда оставляет их чужаками. Уж вы-то должны об этом знать.

– Я знаю, маркиза.

– Ладно, начнем с титула. Барон, виконт, маркиз, граф... Пожалуй, лучше всего граф. Иностранец или иностранного происхождения... Кстати, граф, вы что-нибудь знаете о России?

– Увы, маркиза, совершенно ничего, – ответил Габриэль, похолодев внутри: маркиза буквально читала его как книгу.

– Вот именно. Никто не знает о России практически ничего, поэтому вам лучше всего стать русским графом... Вронским. Владимиром Вронским. Вам идет это имя. Можете не сомневаться, скоро весь свет узнает о вашем русском происхождении. Политические интриги заставили вас бежать из родной страны... Или нет, политические интриги заставили вашу семью покинуть Россию. Вы выросли вдали от Родины, поэтому не знаете собственного языка. Вам надо только молчать и делать вид, что вы что-то скрываете. Да вы и так что-то скрываете, так что вам достаточно просто быть самим собой. Если же вас начнут расспрашивать о России, станете либо рассказывать небылицы, либо отрицать свои русские корни. Россия похожа на Луну – такая же далекая и холодная, и о ней тоже никто ничего толком не знает.

– Русский граф! – от хохота Филин чуть не свалился под стол. Он был в восторге. – Повтори ещё раз.

– Граф Владимир Вронский, – спокойно ответил Габриэль. Он давно уже привык к эксцентричности своего босса.

– Замечательно. Представить себе не мог, что у меня в секретарях будет служить граф! А почему не герцог или принц?! Представляешь, что значит иметь секретарём принца!

– Принцы служат только лишь королю.

– Вот именно, мой друг, королю! Став графом, ты сделал меня королем!

Филин вскочил из-за стола и стал возбужденно ходить по комнате. От смеха его лицо стало пунцовым.

– Чёрт возьми! Я король!

После этих слов последовал ещё один приступ хохота.

– Я король! Хотя, если разобраться, я и есть король. Король Империи Ночи, – его лицо вдруг сделалось мрачно-серьёзным. – Это я говорю тебе на случай, если светская роль вскружит тебе голову. Ладно, ты молодец. Ты действительно молодец. Ты не представляешь, сколько может стоить нечаянно обронённое слово! Завоюй их! Принеси мне их знамёна, и тогда...

– Я сделаю всё, что смогу.

– Нет, мой друг, этого мало, ничтожно мало. Ты должен сделать всё! Ладно, иди и позови мне Кадора.

– Когда ты научишься думать, прежде чем подсовывать мне всяких уродов? – набросился на толстяка Филин.

– Вы о ком? – спросил тот, вбирая голову в плечи точно так же, как это делают черепахи. Правда, панциря Кадору господь не дал.

– О Роберте Ричмонде. Если мне не изменяет память, это ты привел его сюда.

– Он был очень полезен.

– Он слишком много болтает.

– Хотите, чтобы он замолчал?

– Да. И немедленно. Но это должно быть похоже на несчастный случай.

– Будет исполнено.

– Иди. И сделай это как можно быстрее.

Выйдя из кабинета, Кадор облегчённо вздохнул – Ричмонд мог и ему стоять жизни.

В маленьком зале таверны было приятно тепло. В камине горел огонь, согревая не только тела, но и души тех, кто зашёл туда выпить кружечку пива или опрокинуть стаканчик вина. На железных рогульках вдоль стен горели сальные свечи. На втором этаже танцевала молодёжь.

Габриэль любил это место – неизвестно почему, оно напоминало дом. Он садился обычно у окна, заказывал пиво и ветчину. Он медленно пил пиво и смотрел на огонь, который словно выжигал из души мальчика все неприятные чувства, наполняя её ровным, глубоким ощущением покоя.

Полюбил Габриэль и сам город. Эдинбург перестал быть для него тем враждебным чудовищем из серого камня, которым показался при первом знакомстве. Габриэль полюбил Гоп-Парк – красивый сад с дорожками, посыпанными гравием, и милыми скамейками с навесами, которые охранял сторож. Здесь любила гулять городская знать. Полюбил он и почти безлюдный Кингс-Парк – суровую скалистую местность. Понравились ему и каменные ступени длинной лестницы от Парламентской площади вниз, на шумную, мощённую камнем улицу.

Юношу переполняли чувства. Знакомство с маркизой стало для него настоящим землетрясением, которое полностью меняет земной ландшафт. Не прилагая для этого никаких усилий, маркиза настолько перевернула жизнь Габриэля, что он даже не отдавал себе полностью в этом отчёта. Он вновь чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Уже буквально следующее утро должно было стать утром из совсем другой жизни. Габриэль возвращался в мир, который был у него отнят предательским убийством всех близких ему людей. Он входил в него тайно, через чёрный ход, под чужим именем, с вымышленным титулом и историей, практически полностью соответствовавшим его настоящему титулу и биографии. Это было похоже на одну из заумных античных историй, вроде истории о лжецах-сенаторах, Ахилле и черепахе или стреле, которыми так восхищался его отец.

Позади осталась неделя суматохи, от которой, казалось, голова окончательно пойдёт кругом. Положение вещей требовало перемен, причём не только в жизни Габриэля. Став графом, Габриэль должен был начать жить как настоящий граф, пусть даже как обедневший граф в изгнании. Следовало срочно найти дом, пошить массу одежды, купить подходящий экипаж, найти прислугу или, на худой конец, слугу.

Филину тоже требовалось поменять свой имидж. Понятно, что русскому графу совершенно нечего делать в лавке у старьёвщика, а о том, чтобы появляться там регулярно, и речи быть не могло. Пришлось искать новый дом и для Филина, превратившегося из старьёвщика в торговца дорогим вином. Пить русским графам, слава богу, никто ещё не запрещал.

Но это было далеко не всё. Своей красотой, проницательностью и умом маркиза произвела на юношу неизгладимое впечатление. Габриэль постоянно думал о ней – женщине, о

которой, как он был уверен, он не мог даже мечтать. Оставалось только безнадежно вздыхать – он ещё не начал пользоваться услугами красавиц, чью любовь можно купить за деньги.

Вошли новые посетители: изрядно пьяный Кадор и три его закадычных приятеля, такие же «очаровательные» молодые люди. Увидев Габриэля, Кадор поспешил к нему.

– Надеюсь, многоуважаемый сэръ Габриэль позволит нам выпить по кружке пива за его здоровье в его благородном обществе?

– Почему ты назвал его сэром? – спросил один из приятелей Кадора.

– Ну как же! Разве ты не знаешь, что Филин сделал его джентльменом, и таким простолюдинам, как мы, надо проявлять к сэру Габриэлю особое почтение. Не так ли, уважаемый сэръ Габриэль?

– Не так, – ответил спокойно Габриэль.

– Позвольте спросить, многоуважаемый сэръ, в чём состоит моя ошибка?

– Джентльменом нельзя стать, джентльменом надо родиться, но, даже родившись джентльменом, можно потерять это звание. Присаживайтесь, господа. В одном Кадор прав, именно благодаря ему я не умер тогда от голода. Кадор, дружище, я премного благодарен тебе за то, что ты сделал для меня. Ты позволил мне проявить себя. Благодаря твоим стараниям у меня теперь есть пища и кров, а твоё постоянное внимание было далеко не последней причиной, позволившей мне стать тем, кем я стал. Поэтому позволь мне угостить тебя и твоих друзей и выпить за ваше здоровье.

– Я готов это исправить, – прошипел багровый от злости Кадор.

– Позволь узнать, каким образом? – Габриэль продолжал говорить дружелюбным тоном, отчего Кадор всё больше выходил из себя.

– Я заставлю тебя улыбаться горлом, щенок!

– Где и когда?

– Сейчас!

– Ты хочешь устроить резню прямо здесь? Надеюсь, у тебя хватит терпения прогуляться в Кингс-Парк?

– Лишь бы ты не сбежал по дороге.

– Беспокойся лучше о себе.

Габриэль заплатил за угощение и встал из-за стола.

– К вашим услугам, – весело сказал он. Ему тоже давно хотелось поговорить по душам с Кадором.

Холодный ветер и дождь (была поздняя осень) немного отрезвили Кадора, но злости от этого у него не убавилось. Он еле сдерживал себя, чтобы не наброситься на Габриэля прямо на городской улице. Скорее всего, он бы так и поступил, если бы не наказание – Филин за такие шалости приговаривал к смерти.

Кингс-Парк и в более теплые дни не пользовался популярностью среди эдинбургцев, в такую же погоду он был совершенно безлюден. Выбрав подходящее место, противники скинули плащи и обмотали их вокруг левых рук, в правых руках у них были ножи. Один из «секундантов» хлопнул в ладоши: это был сигнал к началу драки.

Выросший в эдинбургских трущобах, Кадор значительно лучше Габриэля владел ножом. Но Габриэль был сильнее духом. К тому же он сохранял спокойствие и был практически трезв, тогда как в Кадоре бушевала злость, подогретая изрядным количеством алкоголя.

Едва прозвучал хлопок, Кадор стремительно, слишком стремительно для такого толстяка, сделал выпад и ранил Габриэля в грудь. Рана была пустяковая: клинок всего лишь разрезал кожу, но вид крови окончательно разъярил Кадора. С диким криком он бросился на Габриэля и тут же получил рукояткой ножа прямо по горлу. Кадору удалось опустить подбородок и значительно смягчить удар, поэтому он остался жив. Толстяк рухнул на грязную, холодную

землю. Он хрипел и жадно хватал ртом воздух. Движения рта и безумные, выпученные глаза делали его похожим на диковинную морскую рыбу.

– Передайте своему обжоре, когда он очнётся, – сказал Габриэль друзьям Кадора, – что в следующий раз я его прикончу.

На следующий день взбешённый Филин устроил Габриэлю настоящий разнос.

– Простите, сэр, – сказал тот, когда Филин, наконец, высказался, – я не мог не принять вызов. К тому же, оскорбляя меня, он, тем самым, оскорблял и вас.

– Убирайся прочь! – заорал на него Филин.

Габриэль вышел из кабинета с улыбкой на лице.

Габриэль сразу же понравился маркизе – он был совсем не похож на тех, с кем ей раньше приходилось иметь дело. Опасность и горе не сломили, но очень рано заставили его повзрослеть. Дружба с Джеймсом позволила ему приобщиться к той гармонии союза разума и природы, которую в последние века всеми силами старались уничтожить христиане. Годы же жизни бок о бок с Филином и его бандой научили Габриэля быть в достаточной мере порочным и чувствовать себя в преступном мире, как рыба в воде, но родительское воспитание, идеалы семьи сохранили его внутреннюю чистоту.

Маркизе нравилось читать в его глазах обожание, нравилось иметь рядом с собой таинственного, красивого, интересного, влюблённого юношу, но если бы в начале их дружбы кто-то сказал бы ей, что он станет её любовником, она бы рассмеялась. Она видела его своим пажом-воздыхателем, но никак не объектом любви. Она играла с ним, как кошка играет с мышкой, а когда заметила, что мышка на самом деле – сильный боевой кот, было уже поздно. Маркиза сама попала на собственный же крючок, несмотря на то, что никогда себе в этом не признавалась.

Маркиза прекрасно пела и очень неплохо играла на рояле. Она часто устраивала у себя в салоне вечера, на которых звучала музыка в исполнении лучших музыкантов, живших или приезжавших в город. При этом она не редко выступала сама.

Первое появление графа Вронского в салоне маркизы совпало с одним из её концертов.

– Окажите мне любезность, граф, – обратилась она к Габриэлю, одарив его лучезарной улыбкой.

– Можете располагать мной, сударыня.

– Я хочу попросить вас ассистировать мне во время концерта.

– Скажите, что нужно делать.

– Всего лишь переворачивать ноты.

В тот день она играла великолепно. Музыка была тем языком, на котором она говорила о страсти, чувствах, любви, отчаянии, счастье... Габриэля поразила её игра. Он чувствовал, что его душа и есть тот самый инструмент, на котором играла маркиза.

– А вы сами играете, граф? – спросила она, закончив выступление.

– Когда-то давно меня учили музыке, но с тех пор я не садился за инструмент.

– Сыграйте для нас.

– Боюсь, у меня не получится. К тому же после вашего гениального исполнения это просто стыдно делать.

– А вы не бойтесь.

– Я, право, не хотел бы...

– Полно, жеманство вам не к лицу, граф!

Габриэль не стал больше спорить. Сыграл он довольно слабо, совершив массу досадных ошибок, но инструмент он чувствовал, как и чувствовал то, что играл.

– У вас талант к музыке. Вам надо брать уроки.

– Я никого не знаю в этом городе, кто мог бы меня учить.

– А хотите, я стану вашей учительницей?

– Это было бы пределом моих желаний!

– Будем считать, что мы договорились.

Уроки проходили два раза в неделю. Они садились вдвоём за инструмент. Он чувствовал тепло её тела, запах духов. Каждое её прикосновение дарило ему блаженство. Он жил от урока к уроку, а всё свободное время мечтал о ней.

– Вы знаете, что похожи на рыцаря? – спросила маркиза на одном из уроков.

– Мне никто этого раньше не говорил.

– И тем не менее. Мне не спалось, и я прочитала книгу о рыцарях. Вы очень похожи на её героев. Настолько похожи, что я с удовольствием звала бы вас рыцарем, если вы не против.

– Это большая честь для меня, – сказал он и покраснел.

– Но это не всё. У каждого рыцаря есть его дама сердца. У вас есть возлюбленная? Признавайтесь.

– Нет, – ответил он и потупился.

– Это непростительная ошибка. У каждого рыцаря должна быть дама его сердца. Даю вам месяц на то, чтобы её отыскать. Справитесь?

Габриэль не знал, что сказать. Признаться в своей любви он ещё не решался, а согласиться на поиски дамы сердца не мог. Он покраснел ещё сильнее.

– Скажите, вы когда-нибудь ухаживали за девушками?

– Нет, – сознался он.

– Так нельзя! Жизнь рыцаря должна быть наполнена подвигами и любовными похождениями. А хотите, я научу вас ухаживать за женщинами? Научу вас быть приятным, интересным, галантным, недокучливым? Но для этого вам придётся стать моим рыцарем?

– Конечно, сударыня!

– В таком случае, с сегодняшнего дня вы – мой рыцарь, а я – дама вашего сердца. Вы должны теперь меня сопровождать, защищать меня, моё имя и честь. Ну и, разумеется, совершать в мою честь подвиги. Вы согласны?

– Я буду счастлив, сударыня!

– И не называйте меня всё время сударыней!..

Габриэль готов был умереть от счастья – о таком повороте событий он даже и мечтать не мог.

Несмотря на то, что после этого разговора они стали появляться вместе везде, для маркизы это всё ещё оставалось игрой. Она наслаждалась той абсолютной властью, что имела над Габриэлем, готовым на всё ради её улыбки или благосклонного взгляда. Иногда она одаривала его случайным прикосновением руки во время прогулки, или ноги, когда они ехали в карете. Её забавляло выражение счастья на его лице в такие мгновения, но дальше этой игры она заходить не собиралась.

Всё изменилось после пустячного, в принципе, события. Во время прогулки по Кингс-Парку маркиза случайно попала ногой в нору какого-то животного. Если бы Габриэль не успел её вовремя подхватить, возможно, не обошлось бы без перелома, но благодаря его быстрой реакции всё закончилось благополучно.

– Вы в порядке? – с тревогой в голосе спросил он.

– Почти. В туфлю набилась земля.

– Одно мгновение.

Бережно, словно археолог, имеющий дело с находкой века, Габриэль снял с её ножки туфельку, обтёр ножку платком, очистил обувь от земли, а затем так же бережно обул маркизу.

– Вы очень милы, рыцарь, – сказала тогда она и вдруг внезапно подумала, что из него мог бы получиться хороший любовник. Подумала и, испугавшись, отогнала эту мысль прочь. Правда, ненадолго.

– Признайтесь, вы влюблены, – спросила она его на следующем уроке.

– Как вы догадались? – воскликнул, краснея, Габриэль.

– У вас на лице всё написано. Вы совершенно не умеете скрывать своих чувств.

– Вы правы.

– Любви тоже надо учиться, граф. Бывают ситуации, когда надо показать пылкую страсть, которой нет, или продемонстрировать полное равнодушие к тем, кого мы любим больше всего на свете.

– Я уже думал об этом.

– Вернёмся к вам, мой доблестный рыцарь. Конечно, я не буду спрашивать, кто она.

Любовь – это таинство. Но скажите, вы уже объяснились?

– Нет, – ответил он и покраснел ещё сильнее.

– Почему?

– У меня не было подходящего повода.

– Если она к вам благосклонна, может подойти любой, самый ничтожный повод.

– Есть и другая проблема.

– Позвольте, я угадаю. Вы не решаетесь заговорить с ней о любви. Угадала?

Габриэль кивнул.

– Нельзя быть таким нерешительным в сердечных делах, рыцарь. Женские сердца надо завоевывать как крепости.

– Дело в том, что, когда она рядом, я теряю дар речи. Я не могу сказать о любви ни слова. Дома, наедине с собой, когда я мечтаю о ней, я произношу целые речи, посвящённые любви, но стоит мне её увидеть... – он вздохнул.

– В таком случае, вам стоит ей написать. Письмо можно сотню раз переписать, в конце концов, его можно и не отправлять. Но нет ничего хуже не отправленного любовного письма.

Перед следующим уроком Габриэль трясущимися руками положил на клавиши рояля конверт с любовным письмом, которое он писал всю ночь.

– О, вы принесли письмо, – заметила маркиза, обнаружив конверт. – Обещаю прочитать его после урока, а сейчас нас ждёт музыка.

В этот день он играл из рук вон плохо. Мог ли он думать о музыке в такой момент!

– Что с вами, граф? – удивлённо спросила маркиза. – Я вас не узнаю!

– Мне нездоровится, – ответил Габриэль внезапно охрипшим голосом.

– В таком случае, вам нужно в постель. Идите домой и возвращайтесь, когда почувствуете себя лучше.

Не находя себе места, Габриэль весь день бродил по городу. Только ночью, голодный и усталый, он вернулся домой. Но, несмотря на усталость, спал он очень плохо. Едва дождав-шись двух часов (раньше маркиза не принимала ни под каким видом), он помчался к ней.

– Вам уже лучше, граф? – спросила она. – Вы неважно выглядите.

– Я плохо спал.

– Как я вам сочувствую, граф. Хотите чаю?

– С удовольствием.

– Я ознакомилась с вашим творчеством, – заговорила она, наконец, на волнующую Габриэля тему. – Должна сказать вам, неплохо. Думаю, та, кому адресованы все эти слова, сможет оценить ваши чувства.

Она говорила о письме, словно учитель, разбирающий домашнее задание ученика.

– Это письмо вам, – прошептал Габриэль.

– Что вы сказали, мой рыцарь?

– Это письмо было написано вам.

– Не хотите же вы сказать...

– Я люблю вас, люблю с самой первой встречи, люблю всё это время. Я живу только рядом с вами, всё остальное время я словно хищник, который караулит свою жертву. Я днём и ночью думаю только о вас... – переборов свой страх, Габриэль заговорил с той пылкой, ещё не прирученной страстью, о которой нередко мечтают самые опытные в любви люди. И говорил он о своих чувствах около тридцати минут.

– Ваши слова... Это так неожиданно... – его слова действительно взволновали маркизу.

– Если вы мне откажете, я умру! – необычайно горячо воскликнул Габриэль.

– Только ради бога не в моей гостиной! Вы застали меня врасплох... и потом... Я замужем, граф. Мой милый рыцарь, вы толкаете меня на преступление... а если об этом станет известно в свете...

– Об этом никто не узнает! Клянусь! Я умею хранить секреты.

– Знаете, рыцарь, – сказала она после долгих раздумий, – любовь надо завоевать. Надо совершить подвиг.

– Приказывайте, я сделаю всё!

– Всего вы, в любом случае, не сделаете, так что не стоит и обещать. А сейчас оставьте меня. Мне надо собраться с мыслями, найти достойное вам испытание. А пока что не приходите и не пишите, пока я не разрешу. Только ради всего святого, не делайте глупостей. Идите же, граф, идите.

Вода была по-осеннему тёмной и совсем не приветливой. Она медленно следовала к океану. Габриэлю нравилось смотреть на воду. Он словно бы погружался в гипнотический транс. Тело расслаблялось, а мысли становились такими же спокойными, как водная гладь. Казалось, они тоже уносились куда-то прочь, туда, где находится безбрежный океан сознания.

Габриэль мог часами смотреть на воду или на огонь. Магия огня была совершенно иной. Огонь сам проникал в сознание Габриэля, выжигая всё лишнее и наносное. Однажды Габриэль видел, как Джеймс чистил очень древнюю асбестовую салфетку. Он бросил её в огонь, и пламя вернуло ткани природную белизну.

– Твой разум должен быть таким же чистым и белым, как эта салфетка. Подобно асбесту он очищается пламенем регулярного созерцания. Помни это, и никогда не забывай.

Несколько дней Габриэль гостил у Грегора Мак-Найла, которого вполне мог назвать своим другом. У Мак-Найла была ферма, которую он арендовал недалеко от Эдинбурга. Пару раз Габриэль помогал ему уладить некоторые дела, пару раз Мак-Найл выручал Габриэля. Был Мак-Найл высоким, крепким человеком лет сорока с огненно-рыжими кучерявыми волосами и весёлым задором в глазах. Габриэлю он сразу понравился, а вот Мак-Найл присматривался к Габриэлю достаточно долго: положение секретаря Филина не вызывало доверия.

– Что ты делаешь у этого человека? – спросил как-то раз Мак-Найл за кружкой пива.

– Я понимаю твой вопрос. Поверь, обстоятельства иногда играют с нами весьма злые шутки. К тому же теперь я вряд ли смогу спокойно уйти от Филина. Я слишком много знаю, чтобы он позволил мне жить.

– Обстоятельства... Если бы не чёртова нужда, я бы тоже никогда не связался бы с этим монстром.

– Поверь мне, среди так называемых приличных людей полно негодяев, по сравнению с которыми Филин просто ангел.

– Ты, чёрт возьми, прав!

– Тогда давай выпьем и сменим тему. В мире достаточно приятных вещей, чтобы было о чём поговорить.

Проходя по дороге домой мимо реки, Габриэль почувствовал непреодолимое желание остановиться. Это было странное чувство, как будто само провидение всеми силами пыталось заставить его свернуть сюда. Немного подумав, Габриэль решил прислушаться к внутреннему

голосу. Минут через десять он набрёл на несколько рыбацких лодок. Некоторые из них были вытащены на берег, а одна, довольно-таки большая, оказалась перевёрнута вверх дном. Метрах в двадцати от берега начинался лес. Было совершенно непонятно, что эти лодки могли делать здесь, вдалеке от человеческого жилья.

Габриэль вдруг понял, что останется ночевать здесь. Он закутался потеплее в плащ и сел на край лодки.

Лишённый возможности видеть свою возлюбленную (разлука была одним из приготовленных для него маркизой испытаний), Габриэль, чтобы хоть как-то отвлечься от разрывающей его сердце тоски, полностью отдался работе. Он с удовольствием хватался даже за те дела, которые в другой раз перепоручил бы кому-нибудь другому. В свободные часы он просто слонялся по городу, выбирая самые трудные для пешей прогулки маршруты: физическая усталость помогала избавиться от тягостных дум. Настоящим кошмаром для него были часы, которые он проводил дома наедине с собой.

Поручение встретиться с Мак-Найлом обрадовало Габриэля. Ему нравился этот веселый, трудолюбивый человек, чей острый ум и хорошее образование, которое Мак-Найл получил сам, читая книги долгими зимними вечерами в гостиной возле камина, превращали любой разговор с ним в увлекательное занятие. Даже о делах он говорил так, как не всякий поэт может сказать о любви.

Ближе к ночи начался дождь. Габриэль сделал большой глоток прекрасного подаренного Мак-Найлом виски, после чего забрался под перевёрнутую лодку.

Его разбудили голоса и звук шагов. Полная опасности жизнь выработала у него ту особую чуткость, что встречается у охотников и дикарей. Габриэль осторожно выглянул из-под лодки.

Гостей было трое: мужчина и две женщины.

– Прошу вас сюда, сударыня, – сказал мужчина, помогая своей спутнице сесть на одну из лодок, – к сожалению, здесь всё мокрое, так что вряд ли мы сможем рассчитывать на костёр.

– Оставьте, Ральф, – ответила дама; её голос показался Габриэлю знакомым, – к тому же огонь может привлечь внимание.

– Возможно, не всё так плохо, сударыня, одна из лодок перевёрнута, и под ней может оказаться немного сухой травы или даже дров. В крайнем случае, там можно будет укрыться от дождя.

Речь шла о лодке, под которой прятался Габриэль. Вряд ли этот Ральф был опасен, но на всякий случай Габриэль достал свой любимый маленький пистолет: с оружием в руках значительно легче вести себя, как подобает джентльмену.

– Спокойно, дружище, – сказал Габриэль, когда Ральф заглянул под лодку.

Не ожидавший такого поворота событий, Ральф буквально отпрыгнул от лодки и выхватил шпагу.

– Вылезай сейчас же, или я заколю тебя как свинью!

– Забудь об этом. Я продырявлю тебя из пистолета задолго до того, как ты сможешь ко мне приблизиться.

– Кто там, Ральф? – услышали они слабый женский голос.

– Мальчишка. Кажется, он вооружён.

– Чего он хочет?

– Спокойно выбраться из-под лодки. Я человек мирный, и не хочу, чтобы меня проткнули шпагой исключительно из любви к искусству, – прокричал из-под лодки Габриэль.

– Мы тоже не разбойники, – ответил Ральф.

– В таком случае, давайте считать недоразумение исчерпанным. Вы прячете шпагу, я убираю пистолет и спокойно выбираюсь. Идёт?

– Я не ожидал, что здесь кто-то будет, – примирительно сказал Ральф, убирая шпагу.

– Поэтому я и приготовился защищаться, – ответил Габриэль, выбираясь из-под лодки.

– Простите, что потревожили ваш сон, – устало сказала дама.

– Госпожа заболела, – вступила в разговор другая женщина, служанка, – и мы решили, что здесь, под лодками...

– Хороший выбор, – согласился Габриэль, – по крайней мере, там нет ветра и сухо. К тому же у меня достаточно тёплый походный плащ, он вполне может послужить даме постелью. Ничего лучшего мы все равно не найдем. Да и не думаю, что вы захотите искать.

– А как же вы? – спросила дама.

– У меня есть хороший виски, и если Ральф поделится своим плащом...

– С удовольствием, мой друг.

– Простите, сударыня, моё любопытство, но ваш голос мне показался знакомым.

– Вряд ли мы раньше встречались...

– Что ж, в таком случае, не буду настаивать.

– Я – герцогиня Корнуэльская, – доверилась Габриэлю дама. – Бывшая, – добавила она с лёгкой грустью.

– Я же говорил... Вы пару раз останавливались в доме моих родителей. Я вас запомнил потому, что вы всё время привозили мне редкие в наших краях сладости.

– Так мы знакомы?

– Я – Габриэль Мак-Роз.

– Мак-Роз? – удивился Ральф. – Но ведь Мак-Розы погибли.

– Вас, судя по разговорам, тоже давно уже нет в живых. Но что вы делаете в этих местах?

– Мы приехали за правосудием, но, к сожалению, герцог и правосудие означают одно и то же. Поэтому у Фемиды всегда закрыты глаза. На всё.

– Поэтому нам и приходится пробираться в город как разбойникам или диким зверям, – добавил Ральф.

– Вы отстали от жизни. Сейчас разбойники ездят в самых дорогих каретах и живут в самых лучших домах. Кстати, если вы не знаете, где остановиться, я могу отрекомендовать вас своим друзьям. Они очень хорошие люди. И не из любопытных, – предложил Габриэль.

– Вы посланы нам провидением!

– К тому же герцогиня больна, – озабоченно сказала служанка.

– В таком случае, утром мы отправимся прямо туда. А сейчас, герцогиня, вам лучше выпить немного виски и попытаться поспать.

Пригубив виски, женщины отправились спать под лодку. Мужчины, закутавшись в плащ Ральфа, устроились на берегу. К утру бутылка была пуста.

При свете солнца Габриэль смог рассмотреть своих новых друзей. Крепкий и жилистый, с жёсткими чертами лица, Ральф выглядел типичным шотландцем. Одет он был достаточно просто и практично, несмотря на то, что фактически каждый считающий себя джентльменом человек тратил в те времена на одежду значительную часть своего состояния. Возможно, Ральф был беден, либо скуп, но на скупца он совсем не был похож. Говорил он просто, свободно и интересно. Ральф довольно непринужденно пользовался шотландскими оборотами, отчего его речь делалась только более колоритной. В своих суждениях он был осторожен и проницателен. Охотно рассказывая, казалось бы, обо всём, он говорил так, чтобы не сказать ничего лишнего. И, следовало отметить, это у него получалось замечательно.

Потрясения и болезнь не могли не оставить следа на облике герцогини: несмотря на природную красоту, выглядела она, мягко говоря, неважно. Болезнь делала её лицо слишком белым, и на этом белом фоне неестественно выделялся болезненный румянец. Глаза её были полны усталой грусти, веки припухли. Вокруг красных и слегка воспалённых глаз виднелись морщины, но герцогиня крепилась, старалась быть веселой и держала себя в руках.

Служанку, полноватую пожилую женщину, звали Мартой. Её чёрные волосы начали седеть, но, несмотря на усталость, она выглядела вполне жизнелюбивой. Одеты женщины были

в достаточно скромные дорожные костюмы явно с чужого плеча – видно, в последнее время им действительно пришлось туго.

По дороге к Мак-Найлу герцогиня рассказала Габриэлю, что в Эдинбург они прибыли хлопотать по делам сына Артура, который находится в надежном месте у верных людей. Она хочет восстановить его в правах, и для этого наняла одного ловкого стряпчего, взявшегося за дело, поверив в её обещания отблагодарить несколько позже. Габриэль пообещал оказать посильную помощь. Он знал этого стряпчего – ловкого юриста по имени Август, зарабатывающего на жизнь прекрасным умением торговать правосудием. У Августа была репутация человека с мертвой хваткой, и если он брался за дело, то доводил его до конца. Несмотря на всю свою продажность, Август оставался честным, порядочным человеком, прекрасно разбирающимся в делах и психологии клиентов: за дело герцога он взялся под честное слово герцогини, даже не потребовав подписать долговые бумаги.

– Ждите меня здесь, – сказал Габриэль своим новым друзьям, когда они вышли на край леса возле дороги, – я ненадолго.

– Не думал, чёрт возьми, что ты так быстро захочешь со мной встретиться, – удивился Мак-Найл, увидев Габриэля. – Заходи, тебе я всегда рад.

– Извини, я по срочному делу, и мне потребуется твой ответ немедленно.

– Ты ещё не задал вопрос.

– Возвращаясь домой, я встретил одних очень хороших людей. Им надо где-то остановиться, подальше от чужих глаз. Извини, но кроме тебя поблизости я никого так хорошо не знаю. Я очень прошу тебя не отказать, но если ты скажешь «нет», я пойму.

– Это твоя личная просьба?

– Да. Это люди из другой жизни. Они никак не связаны с Филином, и ему в первую очередь о них лучше ничего не знать, так что это может быть опасно.

– Хорошо. Я выполню твою просьбу. Если ты так говоришь, это, должно быть, действительно хорошие люди. Зови их, а я пока приготовлю комнаты.

– Спасибо, ты настоящий друг!

– Не стоит. Если хорошие люди не будут друг другу помогать, небеса рухнут на землю.

– Я не буду вас ни о чём расспрашивать, – сказал постояльцам Мак-Найл, – друзья Габриэля – мои друзья. Располагайтесь. Живите столько, сколько нужно.

– Вы не представляете, как я вам благодарна, – ответила ему герцогиня.

Она чудом держалась на ногах – усталость с болезнью отняли последние её силы.

– Вы пока здесь устраивайтесь, а я привезу доктора. Он очень хороший врач, да и рот лишний раз старается не открывать, – решил Габриэль.

– Возьми мою лошадь, – предложил Мак-Найл, – в таких случаях скорость играет слишком важную роль, чтобы можно было ей пренебрегать.

– Спасибо, друг.

Как Габриэль ни спешил, вернулся он с доктором только на следующий вечер.

Тот долго осматривал герцогиню, после чего сказал:

– Плохо. Простуда перекинулась на легкие. Все дело теперь в её природной силе, а она сильно ослаблена... Боюсь, прогноз не утешительный.

Впервые Габриэль пожалел, что не знает, как найти Джеймса. Тот бы наверняка вылечил герцогиню.

– Где ты был, чёрт возьми?! – накинулся Филин на Габриэля, когда тот вернулся в город.

– У Мак-Найла. Вы сами меня туда послали.

– Да, но я не приказывал тебе торчать там целую вечность.

– Он угощал меня своим виски.

– Я тебя жду, а ты там пьянствуешь!

– Старина Мак-Найл – человек общительный, но одинокий. Для него приятная беседа за стаканчиком виски намного важнее деловой выгоды. Если бы я ушёл, это его бы обидело и, как знать, возможно, заставило бы искать нового, менее занятого компаньона.

– Чёртов пропойца... – зло прорычал Филин.

– Вот поэтому я и не рискнул покинуть его посреди дегустации нового виски.

Филин понимал, что Габриэль был совершенно прав, но всё равно злился на долгое отсутствие юноши. Одна только мысль о том, что он мог попасть живым в руки врагов, заставляла Филина покрываться липким, холодным потом. Габриэль знал это и старался не играть с огнем, правда, это не всегда у него получалось.

Габриэль подходил к своему дому, когда путь ему преградили двое мужчин. Судя по их лицам, это были бывалые парни, умеющие владеть как пером, так и шпагой и пистолетом. На таких людей у Габриэля был намётан глаз.

– Что вам угодно, господа? – спросил он, положив на всякий случай руку на эфес шпаги. Это могли быть как убийцы, подсланные Филином, который вполне мог решить не оставлять на этот раз своего помощника безнаказанным, так и кто угодно ещё. Обычно подобные встречи не приводили ни к чему хорошему.

– Успокойтесь ради бога, граф, мы всего лишь должны передать вам письмо, которое, я уверен, вы с нетерпением ждете, – сказал один из них и медленно достал из-за пазухи неподписанный конверт.

Сердце юноши забилося часто-часто. Габриэль выхватил письмо из рук собеседника и поспешно вскрыл конверт, чуть не порвав вместе с ним и письмо – листок бумаги, на котором красивым почерком маркизы было написано:

«Мой милый рыцарь!

Вы прекрасно справились с испытанием разлукой, и сейчас самое время перейти к настоящему экзамену. Джентльмены, передавшие вам письмо, имеют чёткие инструкции относительно вас. Делайте всё, что они вам скажут. Таков мой приказ».

Габриэль готов был расцеловать незнакомцев, которые вот так, совершенно неожиданно, принесли ему счастье.

– Я к вашим услугам, господа.

– Следуйте за нами, граф.

Чуть поодаль ждал экипаж.

– Граф, – сказал один из мужчин, – мы строго следуем данным инструкциям, поэтому прошу вас с пониманием отнестись к нашим требованиям. Ни одно из них не является нашей прихотью, клянусь вам.

– Мне уже сообщили об этом в письме, поэтому просто говорите, что я должен делать.

– Вам придётся отдать нам оружие.

В груди Габриэля появился неприятный холодок. Оставить себя без оружия было непозволительной роскошью. К тому же, узнай Филин, что он сел в карету с двумя незнакомцами, да ещё и позволил себя разоружить... Но это был приказ маркизы, его дамы сердца, которой он поклялся безоговорочно повиноваться. Любовь оказалась сильнее рассудительности, и Габриэль отдал своим спутникам шпагу и пистолеты.

– Теперь мы должны завязать вам глаза, – сказал всё тот же мужчина.

– Я к вашим услугам, сэр.

– И последнее, вы должны сохранять молчание, что бы ни происходило.

В знак согласия Габриэль кивнул.

– Прекрасно, граф. С вами приятно иметь дело.

Всю дорогу Габриэль следил за тем, как сильно бьется его сердце, готовое выскочить из груди. Ему не было никакого дела до того, кто и куда его везёт, главное, чтобы там его ждала она. Наконец, карета остановилась.

– Осторожно, граф, позвольте вам помочь.

Его взяли под руки, помогли выйти из кареты и отвели в комнату на втором этаже дома, возле которого остановился экипаж. Там Габриэля уложили на спину на кровать и крепко привязали за руки и за ноги к спинкам кровати.

– Помните, граф, вы должны молчать, что бы ни произошло.

Судя по звуку шагов, они вышли из комнаты. Целую вечность, как показалось Габриэлю, он был предоставлен самому себе. Он уже начал серьёзно беспокоиться, когда послышались шаги и шуршание платья.

Женщина (Габриэль хотел, чтобы это была маркиза) подошла к кровати и поднесла к его губам бокал. Габриэль сделал несколько больших глотков. В бокале было вино с незнакомым привкусом. Скорее всего, в вино было что-то подмешано.

Острым, как бритва ножом незнакомка начала медленно разрезать его одежду. Когда на нем не осталось совсем ничего, она принялась медленно его ласкать. Каждое её прикосновение приносило блаженство. Временами она была нежной, временами кусала или царапала его тело. Невозможно было предугадать её следующий шаг, но что бы она ни делала, всё было необыкновенно прекрасным. Но это не было только её заслугой. Добавленный в вино восточный эликсир любви начал действовать в полную силу, перенося Габриэля в рай.

Не прекращая ласк, женщина села верхом на Габриэля. Её движения были медленными. Они накатывали на Габриэля, словно морские волны, превращающиеся в волны экстаза и наслаждения.

Во время наивысшего блаженства Габриэль полностью растворился во вселенной. Он был никем и одновременно всем, как господь бог.

К тому времени, когда Габриэль пришел в себя, женщина уже покинула комнату. Во время любовных занятий ни он, ни его загадочная любовница не произнесли ни слова. Он также оставался связанным, а на глазах у него была повязка.

– Пора ехать, граф, – услышал он знакомый мужской голос. Его освободили от веревок, закутали в какой-то плед, после чего вывели из дома и посадили в карету. Повязку с глаз сняли уже возле его дома.

Габриэль так и не узнал, кто подарил ему это блаженство любви.

С каждым днём герцогине становилось всё хуже и хуже. Она мучилась кашлем, и никакие лекарства не приносили облегчения. Несмотря на это, она сохраняла присутствие духа – не каждый мужчина мог бы похвастаться таким мужеством, какое демонстрировала эта удивительная женщина.

– Подойди поближе, – сказала она Габриэлю во время его очередного визита, – послушайте меня. Я скоро умру...

– Не говорите так, сударыня!

– Не перебивай меня, мне и так трудно говорить. Я умираю... не надо меня разубеждать... я знаю... и я хочу... Я назначаю тебя, Габриэль, опекуном единственного сына и наследника герцога Артура. Никто до поры до времени не должен знать о его существовании... Если вдруг тебе станет трудно... потребуется помощь, отправляйся в герцогский замок. Там найдешь лесничего Мануэля. Он наш хороший друг. Ему можешь рассказать всё. Вот, держи, – она сняла с шеи золотой медальон. Второй такой же у Артура. Однажды либо он, либо кто-то из его друзей тебя найдут. Медальон будет гарантом.

И ещё. Я написала письмо. Вместе с ним я передаю тебе необходимые документы. Придёт время, и ты сможешь ими воспользоваться.

Вместе с медальоном она протянула ему письмо.

– Прочти его как можно быстрее, а потом уничтожь. Никто другой не должен его увидеть, – распорядилась герцогиня.

«Мой милый Габриэль!

В этом письме я постараюсь объяснить тебе причину тех ужасных событий, в результате которых и Вы, и мы с герцогом Артуром разом лишились всего. Конечно, я могла бы обойтись без пера и бумаги, но думаю, так будет лучше и для меня, и для Вас. Жестокая смерть близких людей не самая приятная тема для разговора, к тому же наедине с бумагой я могу проявлять те чувства, которые постеснялась бы показать в Вашем присутствии.

Но перейду к делу.

Отец моего мужа, герцог Мэлвилл, отдал много сил на борьбу за свободу Шотландии, но дети разделились во взглядах. Ричард разделял взгляды отца, а Оскар стал поддерживать англичан. Чтобы не потерять всё, Мэлвилл перевёл большую часть своего состояния в драгоценные камни, которые спрятал в надёжном месте. Но сокровища – это ещё не всё. Среди них хранится очень ценный магический амулет, творение рук одного из древних пророков. Мэлвилл потратил большую часть жизни на то, чтобы найти эту святыню. Он говорил, что она может творить чудеса. Себя он называл хранителем, который должен передать святыню тому, для кого она предназначалась. Свою роль хранителя он завещал моему мужу Ричарду. Эти сокровища и послужили причиной убийства. К счастью Оскар не знает, где спрятано достояние корнуэльского рода!

Я постоянно замечала, как Оскар завидует Ричарду, его герцогству, его положению, его красивой жене. Сколько раз я уговаривала Ричарда быть с ним осторожней!

Когда же Оскар узнал, что у нас родится сын, прямой наследник, он окончательно потерял голову. Он организовал убийство мужа. Нам с Артуром чудом удалось спастись. Умирая, я хочу открыть место, где спрятаны сокровища. Они находятся в фамильном склепе в седьмом гробу слева. Пусть они достанутся Артуру, когда он будет для этого достаточно благоразумным.

Святыню же должен получить тот, ради кого её хранил герцог Мэлвилл.»

Вечером герцогиня умерла. До самого утра Ральф плакал навзрыд над телом герцогини, а служанка тихо, и от этого ещё более тоскливо скулила рядом, так что и сам Габриэль еле сдерживал слёзы.

На рассвете Герцогиню похоронили на местном кладбище...

«Милый друг, приезжайте немедленно. Это вопрос жизни и смерти» – говорилось в письме маркизы.

Габриэль чертыхнулся. Он ещё не совсем пришёл в себя после смерти герцогини, успевшей, несмотря на столь короткое знакомство, стать для него по-настоящему близким человеком. Возможно, она напомнила Габриэлю мать, которую он так рано потерял. И вот теперь эта записка от маркизы. Как назло принёсший письмо курьер не стал дожидаться ответа, иначе можно было хоть что-то узнать от него.

А отношения Габриэля с маркизой набирали силу с каждым днём. Пылающий страстью юноша готов был круглые сутки находиться подле предмета своей любви, но Элеонора, знающая разочарование пресыщения, не позволяла слишком часто бывать у себя, да и работа отнимала у юноши изрядное количество времени, так что маркизе редко приходилось сдерживать своего пылкого любовника.

В любом случае, Габриэлю ничего не оставалось, как сломя голову мчаться к той, которая сводила его с ума.

Маркиза встретила любовника с выражением крайнего отчаяния на лице.

– Что случилось, сударыня? – взволнованно спросил Габриэль.

– Произошло самое ужасное, – она произнесла это голосом умирающей.

– Я могу вам помочь?!

– Вы – моя последняя надежда.

– Клянусь сделать всё, что в моих силах!

– Спасите меня от скуки!

Габриэль не поверил своим ушам: он ожидал услышать всё, что угодно, но только не это.

– Вы не представляете, как вы меня напугали, – сказал он, переводя дыхание. Его обожание было настолько сильным, что он не чувствовал раздражения от капризов любимой женщины – Я уж было решил, что с вами случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Что может быть более из ряда вон выходящим, чем смерть от скуки! Мне скучно. Я задыхаюсь в стенах этого дома, и если я не глотну свежего воздуха... Я хочу чего-нибудь необычного... Придумала! – оживилась она. – Я переоденусь в мужскую одежду, и мы отправимся в одно из тех мест, куда не смеют ходить истинные леди и джентльмены. Вы понимаете, о чём я говорю?

– Разумеется, дорогая Элеонора.

– И не вздумайте говорить, что вам что-то не нравится в моём предложении.

– Я к вашим услугам, сударыня.

– Отлично, часов в десять я отправлю гостей. Незадолго до этого времени, по моему сигналу... я чихну, вы проститесь со всеми, но вместо того, чтобы покинуть дом, проберётесь на второй этаж и спрячетесь в моей спальне. Дверь будет открыта. Потом, когда слуги лягут спать, мы с вами отправимся на тайную ночную прогулку. Вам нравится моё предложение?

– Оно прекрасно, сударыня!

Вечером в салоне маркизы в центре внимания был один из тех героев-путешественников, которые рискуют своими, да и чужими жизнями исключительно из чрезмерно развитого чувства тщеславия. Габриэлю было откровенно скучно слушать его истории о преодолении гор, морей и пустынь, но деваться было некуда, и он стойчески ждал наступления ночи.

Примерно в половине десятого маркиза чихнула. Подождав на всякий случай минут пять, чтобы никто не увидел в этом чихании тайного знака, Габриэль попрощался с гостями.

– Уже уходите, граф? – совершенно искренне удивилась маркиза – она была прекрасной актрисой.

– К сожалению, я должен вас покинуть: завтра меня ждёт трудный день.

Ему легко удалось незаметно пробраться в спальню маркизы, а в начале одиннадцатого маркизе вдруг стало нехорошо. Она отказалась от доктора, решив, что лучшим лекарством для неё станет сон.

– Как вам мой гость? – спросила Габриэля маркиза, добравшись, наконец, до спальни.

– Должно быть, страшный человек, если один только ужас от пребывания в покое рядом с собой заставляет его бежать сломя голову в буквальном смысле на край света.

– Вы не знаете ужаса скуки, мой мальчик!

– Мне хватает других ужасов, Элеонора.

– Да? И что же вы делаете, когда совершенно нечем заняться?

– Со мной это бывает настолько редко, что каждая свободная минута приносит неописуемое наслаждение.

– Вы счастливеец! Помогите мне одеться.

Костюм был великолепен. Кроме походной одежды в него входили парик и накладные усы с бородой. Никто из знакомых не узнал бы маркизу в этом наряде.

Тем временем к дому маркизы подъехал экипаж, откуда вышел красивый мужчина в военной форме. Он несколько раз позвонил в дверь.

– Кто бы это мог быть? – удивилась маркиза.

Она приоткрыла дверь, чтобы лучше было слышно.

Послышались голоса.

– Это мой муж! Мне конец! – воскликнула маркиза. Несмотря на всю свою любовь к авантюрам, она ни разу ещё не попадала в подобную ситуацию.

Габриэль бросился к окну.

– Стойте! Вас заметят слуги!

Решение пришло мгновенно. Спальня маркизы соседствовала с туалетной комнатой с одной стороны и библиотекой с другой.

– Ключ от библиотеки, – потребовал он.

– Она всегда открыта, а ключ торчит с внутренней стороны в двери.

Удостоверившись, что в коридоре ещё никого нет, Габриэль быстро прошмыгнул в библиотеку. Он запер дверь, встал за ней и прислушался.

Через несколько секунд маркиз стучал в двери жены.

– Почему ты заперла дверь, дорогая? – громко, чтобы было хорошо слышно через закрытую дверь, спросил маркиз.

– Мне стало страшно одной.

– Как ты себя чувствуешь? Говорят, тебе стало нехорошо.

– Уже всё нормально.

– Тогда, может, ты соизволишь открыть эту чёртову дверь?

– Конечно, милый, но почему ты ругаешься?

– Я соскучился по своей пантере.

– Подожди секунду... Или нет, у меня для тебя сюрприз. Я выйду через пару минут.

– Тогда я, пожалуй, выкурю трубку. Где моя любимая трубка, Джон? – спросил он у вертевшегося рядом слуги.

– Вы оставили её в библиотеке, сэр.

«Дьявол!» – выругался про себя Габриэль.

– Так принеси её! Вечно всё надо разжёвывать.

Джон несколько раз толкнул дверь.

– Там заперто, сэр.

– Ну, так отопри.

– Не могу, сэр. Ключ торчит изнутри в замочной скважине.

– Что ты несёшь?

– Там кто-то заперся изнутри, сэр.

– Что?!

– Кто бы там ни был, немедленно открывайте и выходите, чёрт побери! Иначе я выломаю дверь, и тогда я за себя не ручаюсь! – закричал маркиз, стуча кулаками в дверь библиотеки. – Где мои пистолеты!

Больше медлить было нельзя. Габриэль бросился к окну. На его счастье, решётки на окнах отсутствовали, а вся стена дома с той стороны была увита плющом. Габриэль схватил стул и высадил им стекло. Затем, чтобы не пораниться об острые осколки, он сорвал занавеску и, скомкав, бросил её на подоконник, после чего, используя плющ как лестницу, быстро спустился вниз и сломя голову побежал прочь.

Тем временем слуги маркиза выломали дверь и ворвались в библиотеку.

– Не дайте ему уйти! – рявкнул маркиз и выстрелил в Габриэля, почти не целясь.

В библиотеку вбежала маркиза. Она была всё в том же мужском костюме, но босиком и без парика, усов и бороды.

– Что случилось? Почему стреляли? – испуганно спросила она.

– В библиотеке прятался вор. Я проводил его салютом.

- Ты ранил его?
- Вора ноги кормят. Позволь спросить, что у тебя за наряд?
- Это мой сюрприз.
- Действительно, сюрприз.
- Послезавтра мы идем на костюмированный бал, а это мой костюм разбойника.
- Но почему ты вдруг начала запираяться?
- Дорогой, после того, что сегодня в нашем доме был вор, любящий муж должен был спросить, отчего я раньше спала с открытой дверью.
- Ты как всегда права, любимая...
- И он вам поверил? – спросил Габриэль при следующей встрече.
- Он предпочитает мне верить.
- Ценное качество.
- Доверие – это краеугольный камень семейной жизни. Оно приносит гармонию и покой. Сомнения портят здоровье и отравляют жизнь. К тому же они провоцируют измены. Так говорит маркиз, и знаете, я его понимаю.

На деревьях распускались почки, из-под земли пробивалась зеленая трава, а воздух уже пропитался тем ни с чем не сравнимым ароматом, который принято называть запахом весны. Габриэль наслаждался прогулкой – он думал о предстоящей встрече с маркизой. Рядом шёл Маб. На почтительном расстоянии от друзей, рассредоточившись, чтобы не привлекать внимания, шли ещё несколько человек: двое рабочих тащили кованые шесты для ограды, несколько подвыпивших парней просто брели, куда глаза глядят, мирно прогуливалась влюблённая пара, а какой-то крестьянин катил тачку, нагруженную здоровым мешком. Друзья несли очень важный пакет, потеря которого могла привести к непоправимым последствиям не только для Филина, но и для многих весьма уважаемых как в Шотландии, так и в Англии людей.

Филин и раньше весьма серьёзно относился к вопросам безопасности (поэтому он и дожил до весьма почтенного возраста), а в последнее время, когда у него появился могущественный враг, чьё истинное лицо скрывалось за множеством посредников, у Филина началась самая настоящая паранойя.

Путь лежал через Мэйчен-стрит – узкий, мощённый булыжником коридор между двумя рядами высоких серых домов, настоящее городское ущелье, прекрасное место для засады. Когда друзья проходили возле дома с аляповато-безвкусными подъездами (людей с плохим вкусом хватало во все времена), из крайних подъездов выскочили вооружённые шпагами люди. Они действовали смело, несмотря на то, что Мэйчен-стрит была далеко не безлюдной.

Естественно, ни о каком сражении с превосходящими силами противника не могло быть и речи, к тому же строгие инструкции Филина требовали сохранить корреспонденцию любой ценой.

К счастью, телохранители своё дело знали. Не очень длинные, остро заточенные жерди оказались прекрасным оружием, пьяные – совершенно трезвыми, а женская одежда скрывала не только крепкого молодого бойца, но и две шпаги: вторую для кавалера. Тачка, в свою очередь, послужила прекрасной опорой для того, чтобы добраться до кованых оконных решеток первого этажа, а дальше – по балконам на крышу.

Крыша была крутой и сильно скользкой, по такой не побегаешь. Рискую сорваться вниз, на каменную мостовую, друзья забрались на самый верх и медленно двинулись по коньку вперёд, к соседнему дому, крыша которого более годилась для прогулок.

Неожиданно и здесь дорогу им преградили трое крепких молодых парней с оружием в руках, лицо одного из них показалось Габриэлю знакомым.

Драться в таком месте никому не хотелось – слишком уж большим был риск свалиться на мостовую.

– Вы нам не нужны, – крикнул друзьям один из нападавших. – Отдайте письма и можете катиться ко всем чертям!

– Катиться ко всем чертям... Весьма остроумно подмечено, сэр, – ответил Габриэль. – В другой раз я бы точно последовал вашему совету.

– И что же мешает тебе последовать ему сейчас?

– Вежливость, сэр. Дело в том, что воспитание требует пропустить вперёд вас, – сказав это, Габриэль метнул в своего собеседника тяжёлый нож с костяной ручкой.

Габриэль промахнулся и попал одновременно. Его собеседник сумел увернуться, но нож попал другому противнику, стоявшему на пару метров дальше, ручкой прямо в пах. От такого удара тот не удержался на ногах и кубарем полетел вниз.

– Покатился ко всем чертям, как совершенно точно вы заметили минуту назад, сэр, – констатировал Габриэль.

– Сейчас ты отправишься за ним, щенок!

– К моему счастью, ваши столь остроумные прогнозы сбываются несколько неточно, поэтому меня ничуть не удивит, если щенком окажется кто-то другой.

– Иди же сюда, и я проткну тебя, как визжащую свинью.

– А этот тоже очень яркий образ, увы, не очень лестно вас характеризует, мой друг. Должно быть, вы выросли среди визжащих свиней. Тем ценнее ваш поэтический талант, который вы променяли на сомнительное удовольствие гулять по таким вот опасным крышам. А поэтов, должен заметить, у нас в стране не так уж и много. Поэтому считаю своим долгом призвать вас одуматься и уйти с нашего пути.

– С большим удовольствием, но только с вашим письмом.

– К сожалению, это невозможно. Увы, придётся становиться убийцей поэта, но, клянусь небом, я всё сделал для того, чтобы вы остались живы, сэр.

– Не слишком ли ты самоуверен?

– А это пусть рассудит история.

После этих слов собеседник Габриэля бросился вперёд. Габриэль быстро нагнулся, схватил большой кусок черепицы, который он отломал ногой во время разговора, и со всей силы запустил ему в голову. На этот раз противник не успел увернуться и последовал за своим не более удачливым товарищем вниз, на камни мостовой.

– Иногда красноречие бывает страшнее клинков, – сказал Габриэль своему последнему противнику. – У вас, кстати, всё ещё есть выбор.

– Не убивайте меня, – взмолился тот, – я и так с детства боюсь высоты...

– Тогда с дороги, сударь. Или вам нужна помощь?

– Нет! Нет! Нет! – закричал он, лег на живот и начал спускаться вниз.

– Ну, ты красавец! – сказал Маб, когда они перебрались на более удобную крышу.

– Сейчас не время для комплиментов, дружище, – весело ответил ему Габриэль. Действительно, на этот раз против друзей было пятеро.

– За мной, – нашёлся Маб.

Он бросился к участку крыши, с которого, судя по виду, давно исчезло несколько черепиц, и через проплешину выглядывали успевшие уже прогнить доски.

– Помоги мне!

Вдвоём им удалось пробить подгнившие доски, и они спрыгнули на чердак. Однако получилось так, что своим весом друзья проломил хлипкий потолок и свалились в квартиру верхнего этажа.

По иронии судьбы они очутились в спальне как раз в тот момент, когда тихая семейная пара работала над созданием продолжателя рода. Естественно, в прямом смысле слова громкое появление наших друзей не могло не прервать этот процесс. Едва друзья вместе

со строительным мусором рухнули на пол спальни, женщина дико завизжала и инстинктивно спихнула с себя мужа так, что тот полетел с кровати вместе с одеялом.

– Кто вы такие, и что вам надо?! – заорал муж, стараясь перекрычать супругу.

– Ангелы небесные, не видишь что ли? – ответил Маб. – Габриэль, дружище, ты в порядке?

– Почти, – ответил тот, поднимаясь на ноги.

– Убирайтесь вон, мерзавцы! – завопил несостоявшийся на этот раз папаша.

– С удовольствием, сэр, если вы изволите открыть нам дверь, – максимально учтиво ответил ему Маб.

– Ключ в замке.

Не теряя времени, друзья выбежали из квартиры. Они благоразумно заперли дверь снаружи, после чего побежали вниз. Чтобы вновь не оказаться на злополучной Мэйчен-стрит, они выпрыгнули из окна второго этажа во двор с другой стороны дома и дальше дворами, преодолевая заборы, вышли на окраину города.

– Что будем делать? – спросил Маб, слегка отдышавшись.

– Уходить из города.

– Куда?

– В лес. Там у меня есть надёжное место.

– Что ж, иногда твои тайны оказываются весьма полезными.

Уже в пригороде они накупили на все деньги еды, после чего Габриэль привёл друга в лесной дом Джеймса.

– Знаешь, Габриэль, чем больше я узнаю тебя, тем больше мне становится интересно, кто же ты такой, – восхищённо сказал Маб.

– Надеюсь, когда-нибудь я смогу тебе всё рассказать.

Прошло чуть больше недели с тех пор, как друзья укрылись в доме Джеймса. Всё это время они занимались тем, что принято называть ничегонеделанием. После городской серости и постоянного надзора со стороны Филина неделя в лесу показалась им праздником. Правда, на Габриэля обрушились воспоминания, но он старался не думать о тех событиях, которые привели его в этот дом в первый раз. К тому же с тех пор прошло достаточно много времени. Гораздо болезненней он переносил разлуку с любимой, но для него это тоже не было поводом сходить с ума.

Габриэль чувствовал, что закончился ещё один большой этап в его судьбе. Дорога жизни вновь делала резкий поворот, хотел он того или нет. Филин, как и многие другие, остался в прошлом. Маркиза... Что ж, придётся на время о ней забыть. Испытания делают любовь только сильнее. В глубине души Габриэль сомневался в истинности этой фразы.

– Я не вернусь больше к Филину, – сказал он Мабу, когда они решили покинуть убежище.

– Ты серьёзно? – лениво спросил Маб, которого почему-то совсем не удивило решение друга.

– Более чем. Вырвавшись на свежий воздух, я понял, что не смогу больше выдерживать этот смрад.

– Ты не тот человек, кого Филин сможет отпустить. Для него это непозволительная роскошь. К тому же я не готов ещё уйти оттуда, поэтому я не могу просто так отпустить тебя. Филин мне этого не простит.

– Я понимаю.

– Хочешь сказать, ты нашёл выход?

– Посмотри на мою одежду.

– И?

– Она вся изодрана. К тому же на сюртуке кровь. Это вполне может послужить доказательством моей смерти. Ты вернёшь Филину пакет, покажешь мой сюртук, расскажешь, как я умер у тебя на руках.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Подождав, пока Маб уйдёт достаточно далеко, Габриэль тоже отправился в город. Он не хотел, чтобы Маб знал об этом. Не то, чтобы Габриэль не доверял другу (их дружба многократно была проверена временем), но, узнай Маб об этом, он начал бы обязательно волноваться, и это волнение ни за что не укрылось бы от глаз Филина, который очень хорошо разбирался в людях. Действительно, возвращаться в город, где у Филина на каждом углу были глаза и уши, было безумием, но другого выхода у Габриэля не было. В городе оставались деньги и бумаги герцогини, спрятанные в надёжном месте, и если на деньги ещё можно было бы наплевать, то документы были слишком важны, чтобы от них отказываться.

Затея Габриэля была безумной, но не безнадёжной. Эдинбург был достаточно большим и запутанным городом, чтобы там можно было укрыться на пару дней.

Габриэль давно уже заметил гостиницу «Быстрый олень» – жалкое строение на окраине города. Управляла гостиницей мадам Смайк. Фактически, это была дешёвая ночлежка для тех, кто не мог раскошелиться на приличное заведение. Подобные места Филина не интересовали, так что здесь можно было спокойно пожить несколько дней.

Туда и отправился Габриэль. Он решительно толкнул некрашеную входную дверь и вошёл внутрь. В холле (маленькой тесной комнатке) было темно и совершенно безлюдно. За грязной стойкой из давно уже мечтающего об окраске дерева тоже не было никого.

– Есть кто живой? – крикнул Габриэль.

– Иду, – услышал он неприятный, дребезжащий женский голос.

В комнату, тяжело дыша, вошла тучная женщина преклонного возраста. Плохое освещение не позволяло рассмотреть её как следует, но даже в полумраке было видно, что у неё неприятное лицо, удивительно гармонирующее с голосом. Лицо не было уродливым или страшным, но что-то неуловимое вызывало чувство омерзения и желание как можно быстрее помыть руки.

– Рада вас видеть, сэр, – обратилась она к Габриэлю с нескрываемой насмешкой в голосе, – чем могу быть полезна?

– Мне нужна комната.

– Комната? – переспросила она, презрительно глядя на выглядевшего оборванцем Габриэля.

В другой раз он бы заставил старую ведьму проявить уважение. На службе у Филина его научили правильно обращаться с такими особами, но сейчас спорить было нельзя, и он сделал вид, что не замечает оскорбления.

– Мне нужна комната и приличная одежда. Не знаете, где поблизости можно купить недорогой костюм?

– Костюм можно купить и у меня, – она кинула на стойку поношенный, но достаточно приличный костюм его размера, – если, конечно, у вас есть на что его покупать.

– Это зависит от того, во сколько вы его оцените.

Решив, что Габриэль – один из тех провинциальных дурачков, что толпами шли в Эдинбург в поисках подходящей работы, она назвала сумму, в несколько раз превышающую стоимость одежды. Это было настоящим грабежом, но Габриэль не стал спорить. Пусть лучше она держит меня за идиота, – решил он и выложил на прилавок деньги.

– Где я могу это примерить?

– Вы интересовались комнатой? – в голосе мадам Смайк появилось уважение.

– Совершенно верно, мадам.

– Тогда пойдёмте со мной. Посмотрите комнату, а заодно и примерьте одежду.

– Во что мне обойдется неделя?

- Вряд ли вы сможете найти что-нибудь дешевле, даже если обойдете весь Эдинбург.
- Не сомневаюсь, но я должен удостовериться, что у меня хватит на это денег.

На удивление, цена за комнату оказалась сносной. С другой стороны, вряд ли кто-то вообще позарился бы на эту, громко говоря, гостиницу, если бы хозяйка просила больше.

- Надеюсь, у вас найдётся нужная сумма? – спросила она.

– Да, – ответил Габриэль.

- В стоимость также входит питание, – добавила хозяйка.

– Это просто замечательно.

– Входите, – она открыла дверь в гостиничный номер, расположенный в дальнем углу длинного коридора.

Как и предполагалось, комната была маленькой, а обстановка бедной. Зато Габриэля приятно удивили чистота и порядок. К тому же в комнате было два окна, расположенных как нельзя лучше в случае возможного непредвиденного отступления.

- Нравится? – спросила мадам Смайк.

– Вполне, – ответил Габриэль.

– Хотите чего-нибудь?

– Я бы хотел примерить одежду, если позволите.

– Хорошо. Я подожду за дверью.

Чтобы я не нашёл предлога затянуть с оплатой, – решил Габриэль.

Одежда оказалась ему впору и была ещё вполне приличной.

Скорее всего, её сняли ночью с какого-то неосторожного бедолаги, – подумал Габриэль, – вряд ли можно было бы прокормиться только доходами с постояльцев даже при самых скромных потребностях хозяев.

- Мадам Смайк, – крикнул он.

– В вашем распоряжении, – ответила она, входя в комнату. Мадам Смайк алчно улыбалась, отчего её лицо делалось ещё отвратительнее. – Нигде не жмёт?

– Всё в порядке. Возьмите, – Габриэль протянул деньги, которые она пересчитала, профессионально окинув взглядом, и быстро, словно он мог передумать, спрятала в карман.

– Я буду внизу. Если вам что-то понадобится.

– Спасибо, сударыня.

– Вам спасибо. Не буду больше мешать.

Оставшись один, Габриэль, не раздеваясь, рухнул на кровать и мгновенно уснул.

Проснулся он только вечером. За окном шёл дождь. Было холодно. Тем лучше, подумал Габриэль. Он бодро поднялся с кровати и вышел из комнаты. Впереди было много дел. Он прошёл по длинному коридору, спустился по скрипучей (ещё один плюс) лестнице и почти уже вышел из гостиницы, когда его окликнула мадам Смайк.

- Господин Габриэль, – позвала она.

– Да, мадам.

– Уходите?

– Дела, мадам.

– Надеюсь, вы не сильно спешите?

– Нет, мадам.

– Очень хорошо. Дело в том, что мы с мужем хотели бы пригласить вас разделить наш скромный ужин, и если вы не торопитесь...

– С большим удовольствием приму ваше приглашение.

– Тогда прошу вас сюда.

Мадам Смайк привела Габриэля в такую же маленькую, как и холл, комнатку, где за освещённым целыми тремя (по случаю присутствия гостя) свечами столом уже сидел мистер

Смайк. На вид он был значительно старше своей супруги. Милый, лысый старичок со следами одной из множества старческих болезней на лице.

На столе, сервированном на троих, были сыр, отварная говядина, картошка и графин с дешёвым пивом.

– Извините нас за скромную кухню. В последнее время дела идут не очень-то хорошо. Гостиница требует расторопности, а в наши годы... – затараторила мадам Смайк с приторной улыбкой на лице.

– Я не привык к другой пище, – ответил Габриэль.

– Знаете, а мне почему-то показалось, что вы благородного происхождения.

– Спасибо за комплимент, мадам, но мои родители были бакалейщиками.

– Хорошая профессия.

– Это так, но постоянные войны лишили нас средств к существованию.

– Да, очень многих людей подкосила эта война, – заговорил вдруг господин Смайк.

– Как долго вы собираетесь у нас гостить? – спросила Габриэля хозяйка гостиницы всё с той же приторной улыбкой на губах.

– Для начала неделю, а потом будет видно.

– Чем собираетесь заняться?

– Надеюсь найти себе хорошее место.

– А сейчас? Вы куда-то собрались?

– Решил пройтись перед сном.

– В такую погоду?

– Мне надо навестить одного человека. Благодарю вас за угощение.

– Это вам большое спасибо за то, что согласились принять наше приглашение, – ответила мадам Смайк. При этом у неё в глазах блеснуло нечто настолько неприятное, что Габриэль дал себе зарок немедленно покинуть гостиницу.

– Знаете, вы совершенно правы. Пожалуй, я никуда не пойду, – сказал Габриэль, вставая из-за стола. – Лучше выплусь как следует.

– А как же встреча? – всплеснула руками мадам Смайк.

– Её можно перенести на завтра.

– Ну, тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Габриэль поднялся к себе в номер, запер дверь. Он оставил ключ в замочной скважине, повернув его так, чтобы снаружи его не смогли протолкнуть внутрь. Затем он громко плюхнулся на кровать. Подождав минут тридцать, он тихонько поднялся с кровати и, стараясь не шуметь, вылез через окно, выходящее на одну из боковых улиц. Оказавшись на свободе, он, стараясь быть незамеченным, быстро пошел в сторону Кингс-Парка, где были спрятаны бумаги.

Свёрток лежал на своём месте в целости и сохранности, деньги были там же. Забрав свои вещи, Габриэль пошёл прочь из города. В гостиницу он решил больше не возвращаться: слишком уж была с ним любезна старая ведьма.

Корнуэльский замок расположился на вершине небольшого предгорья. Выглядел он как нелепое нагромождение грубых, громоздко-тяжеловесных, аляповатых построек и башен с совершенно безвкусными решётчатыми окнами с каменными наличниками, с выступающими башенками и массивными архитравами. Сразу было видно, что внешний вид замка мало волновал его владельцев, достраивающих одну пристройку за другой, совершенно не думая о том, как они будут вписываться в общий вид замка.

Безвкусицу замка скрашивала роща огромных, величественных старых дубов, которые, наверно, были ровесниками замка. Дубы были прекрасны. Красоту природной части пейзажа подчеркивала живописная река, текущая в узкой долине между предгорий.

Также внимание привлекала фамильная церковь герцога, стоявшая рядом с замком. Выполненная в готическом стиле, она была скорее мрачной и массивной, нежели изящной, но построена талантливо и гармонично. Церковь вызывала чувство благоговейной торжественности. Рядом с ней расположилось кладбище, где находился фамильный герцогский склеп.

Из замка вышли несколько человек и направились навстречу Габриэлю.

– Простите, господа, – спросил он, когда они подошли достаточно близко, – не скажете мне, где можно найти лесничего Мануэля?

– Лесничего надо искать в лесу, – ответил один из них, и все засмеялись удачной шутке, которая, тем не менее, могла быть воспринята как насмешка. Поэтому шутник тут же добавил:

– Большую часть времени он проводит именно там. Дом его находится в двух милях от замка.

Они подробно объяснили Габриэлю дорогу.

Дом лесника был добротным двухэтажным деревянным зданием. Стоял он на самом краю леса и, в отличие от замка, весьма гармонично вписывался в окружающий ландшафт.

Габриэль постучал в дверь. Её открыл милостивый мужчина средних лет. Привыкший замечать как можно больше в людях (от этого зависела его жизнь), Габриэль уловил безысходную грусть в глазах садовника, которую тот старался не показывать никому.

– Господин Мануэль?

– Что вам угодно? – сухо спросил он Габриэля.

– Могу я войти?

– Всё зависит от того, с кем я имею дело.

– Моё имя вам вряд ли о чём-нибудь скажет, а имя человека, порекомендовавшего обратиться к вам, я не хочу произносить здесь, за порогом дома.

– Надеюсь, у вас есть письмо или...

– Разумеется. Но я не хотел бы, чтобы кто-то ещё, пусть даже случайно, мог бы его увидеть.

– Ладно, входите.

Он проводил Габриэля в уютную, чистую гостиную и предложил сесть в удобное кресло. Для Габриэля, проделавшего весь путь пешком, это было настоящим подарком.

– Итак, молодой человек?

Габриэль снял с шеи медальон герцогини. Лицо Мануэля дрогнуло. В глазах появился вопрос.

– Боюсь, у меня для вас печальные новости.

– Говорите.

И Габриэль рассказал ему всё о своём коротком знакомстве с герцогиней. О своей родословной он, правда, решил не распространяться.

– Герцогиня сказала, что в случае чего я смогу рассчитывать на вас, – закончил он свой рассказ.

– К сожалению, молодой человек, герцог в последнее время стал очень подозрительным, поэтому единственное, что я могу вам предложить – это место моего помощника. Платить мне, к сожалению, особенно нечем, но стол и постель у вас будут.

– Этого более чем достаточно.

– В таком случае добро пожаловать. Утром приступите к своим обязанностям.

Все свои силы Габриэль отдавал лесу. Работы было много, и он с радостью брался за дело. Уроки Джеймса помогли ему полюбить лес и научиться с ним обращаться. К тому же, после мрачной жизни у Филина лес давал ощущение свободы и свежего воздуха, а это было как раз то, чего не хватало Габриэлю все эти годы. Лес превратился в настоящего верного друга, с которым можно было поделиться и радостью, и печалью. Лес был прекрасен в любое время

года. Весной он издавал аромат почек и свежей травы, он просыпался и заставлял просыпаться что-то хорошее в самой глубине души. Лето было «разгаром дня», осень – периодом даров, а зима... Зима в лесу была неописуемо чудесной.

Когда у Габриэля появлялось свободное время, он отправлялся на озеро. Там, спрятанная от посторонних глаз, была хоть и заброшенная, но очень живописная беседка, поросшая диким виноградом. Она стояла на самом берегу озера. В редкие теплые дни Габриэль купался и загорал, а в другое время просто смотрел на воду, – это успокаивало нервы и отправляло душу в запредельную даль, которую невозможно передать словами, – зимой он наслаждался спокойным величием всеобщего сна.

Часто он вспоминал о маркизе. Габриэль представлял себе, как она живёт, что делает, с кем встречается. Он с грустью вспоминал все её шалости и капризы, мечтал, как снова перешагнёт порог её дома. Его так и подмывало написать ей письмо, но это было бы непростительной ошибкой, которую он не мог себе позволить.

Мануэль оказался мрачноватым, неразговорчивым человеком. Большую часть времени он старался быть наедине с собой и своими грустными мыслями. Несмотря на это он был честным, надёжным товарищем. К тому же он никогда не лез в личные дела своего нового помощника. Очень скоро их отношения стали сначала приятельскими, а затем и дружескими. Габриэль видел, что его друга съедает печаль, но... Сам Мануэль ни разу не затрагивал эту тему, а приставать с расспросами Габриэль не решался. Позже от герцогских слуг он узнал, что Мануэль страдает из-за своей дочери, которая больна неизлечимой болезнью. Местный климат был опасен для её здоровья, поэтому ей приходилось большую часть времени проводить на курортах под наблюдением врачей. Раньше она часто приезжала повидаться с отцом, но в последнее время её здоровье настолько ухудшилось, что вот уже более двух лет она не бывала дома.

С многочисленной прислугой, обитавшей в замке и его окрестностях, у Габриэля сложились идеальные отношения: он встречался с этими людьми только изредка, всегда только по делу, и никогда не лез ни в чьи дела, старался никого не оправдывать, но и не обвинять. К тому же жизнь очень хорошо преподавала ему науку держать рот на замке. Подозрений он тоже ни у кого не вызывал. В ту пору многие, оставшись без средств к существованию, вынуждены были покидать родные места в надежде найти работу, и почти у каждого было что скрывать.

Герцога Габриэль практически не видел, и это было к лучшему. Вряд ли у него получилось бы скрыть не проходящую с годами ненависть от вечно подозрительного Оскара, которого терзал душевный недуг.

О странной болезни герцога Габриэлю рассказала старая ключница Сара. В свободную минуту – а их было немало – она любила посидеть за кружкой пива, – в те времена это был благородный напиток, – и Габриэль всегда составлял ей компанию, не забывая частенько угощать старую женщину. За пивом она рассказывала все слухи и сплетни, а Габриэль внимательно слушал, иногда поддакивая или задавая наводящие вопросы. Кроме пива Сара любила всякие сладости, и юный лесник нет-нет, да и подкидывал ей что-нибудь вкусненькое.

Практически каждую неделю герцогу снился один и тот же кошмарный сон: он в библиотеке замка – мрачной комнате, уставленной дубовыми полками с тяжёлыми старинными книгами. Многие книги были ценными, за многие его могли бы отлучить от церкви, но он не читал книг и практически не заходил в библиотеку. Не был он в библиотеке и тогда, когда нанятые им бандиты ворвались туда, чтобы убить его брата, образованнейшего человека, связанного по слухам с магией и масонами. Став герцогом, он захотел было переделать библиотеку в жилое помещение, но передумал. Свободного места в замке было достаточно, ремонт требовал хороших денег, а книги есть не просили, к тому же они чего-то да стоили. В конце концов, герцог закрыл библиотеку на ключ, оставив в ней всё, как есть. Без ремонта и отопления комната постепенно ветшала. Обои отваливались и свисали клочьями со стен, книги

покрывались плесенью, а в полках завёлся шашель. Герцог словно бы поручил времени сделать за него очередную грязную работу.

Но в его снах библиотека всегда была такой, как в ночь убийства: ярко освещённой, ухоженной, чистой.

Посреди комнаты на полу в луже собственной крови лежит его брат Ричард. За окном бушует буря. Герцог смотрит на Ричарда и не может отвести взгляд. В его руках окровавленный нож. Вдруг буря распахивает окно. В окно влетает огромная чёрная птица, которая кружит по залу и, хохоча, кричит: «Встречай настоящего герцога!». Сами собой распахиваются двери, и в библиотеку под торжественную музыку входит мальчик 16 лет. Он как две капли воды похож на Ричарда. В руке у мальчика шпага. «Я принёс правосудие», – говорит он и пронзает герцога шпагой.

На этом месте герцог всегда просыпается. Он поднимается с постели и бродит со свечой в руке по тёмным, пустым коридорам замка и что-то бормочет себе под нос на каком-то тарабарском языке. В эти минуты никто не хочет попадаться ему на глаза...

Герцог боялся, и его страх не был таким уж безосновательным. Жадный до денег и власти, он, разрастаясь подобно раковой опухоли, пожирал всё вокруг. Это не нравилось многим весьма могущественным людям, как в Шотландии, так и в самой Англии. К тому же о герцогине и её сыне не было никаких известий. Неизвестно, были ли они живы, находились где-то далеко или совсем рядом. Разумеется, он не принимал личного участия в ночных убийствах, но сыну Ричарда скоро исполнится шестнадцать, а в этом возрасте он сможет претендовать на его, Оскара, с таким трудом добытое герцогство. Каждый день Оскар молил бога, чтобы юный герцог нашёлся либо раньше своего шестнадцатилетия (в этом случае, будучи законным опекуном, он мог бы что-нибудь предпринять), либо не находился совсем.

Герцогиня хоть и назначила в своём завещании Габриэля опекуном Артура, но это был жест признательности, не имеющий никакой юридической силы. Во-первых, Габриэль был ещё слишком молод для роли опекуна, а во-вторых, узнай Оскар, кто работает у него лесником...

Наверно, в жизни каждого человека бывают такие дни, когда с самого пробуждения замечаешь ни с чем не сравнимое великолепие дня, а всё вокруг превращается в песню.

Начиналось на удивление тёплое лето. Природа ещё не растеряла свои по-весеннему яркие краски, а каждый тёплый день радовал душу. Дел было мало, и к обеду Габриэль уже был полностью свободен. Недолго думая он отправился в любимую беседку на берегу озера. Душа юноши рвалась в небо. Всё вокруг было наполнено благодатью. Это состояние настолько пьянило Габриэля, что он то и дело пускался в пляс, принимался кричать на разные голоса или петь песни на каком-то тарабарском языке, который в эти минуты был ему намного ближе и понятней родного шотландского.

Габриэль решил, что обязательно нужно искупаться в озере, совершить омовение, смыть с себя если не все грехи, то хотя бы все минувшие неприятности. Взыв по-волчьи, он начал срывать с себя одежду и разбрасывать её вокруг. Он был совсем голый, когда...

В беседке на любимой скамейке Габриэля сидела очаровательная девушка примерно его лет. От неожиданности Габриэль застыл на месте. Его словно парализовало. Он стоял перед ней голый, а она смотрела на него широко открытыми от удивления глазами. Немая сцена длилась какое-то мгновение, после чего девушка рассмеялась звонким, немного нервным смехом, вернувшем Габриэлю способность двигаться, и он, пробормотав что-то невразумительное, бросился в воду. Из всех сил он плыл прочь от беседки, словно за ним гнался не девичий смех (теперь уже весёлый), а какой-нибудь дикий зверь, или, что во много раз хуже, человек.

Переплыв озеро, он бросился в лес, не обращая внимания на колючие кусты и камни. Боль привела его в чувства. Он сильно поранил о камни ноги, да и ветки с колючками внесли свою лепту.

– Какой же я идиот! – выругался Габриэль.

Разумеется, это была дочь Мануэля. Старая Сара много рассказывала ему о «необычайно красивой, милой малышке» – так она называла дочь садовника. Несмотря на то, что он видел её всего лишь какое-то мгновение, образ девушки прочно врезался в память молодого лесничего. Её красота была нежной, хрупкой и болезненной. На несколько бледном лице играл нездоровый румянец. Она была чуточку худая, но это её совсем не портило. У неё были огромные, наполненные бездонной чернотой (зрачки были расширены) глаза, из которых исходил вселенский свет. Габриэль часто, сидя на той самой скамейке, рисовал её в своём воображении, представлял, глядя на водную гладь, как они познакомятся, как будут себя вести, как...

Надо было идти за одеждой. Чертыхаясь и ругая себя, на чем свет стоит, Габриэль добрался до злополучной беседки. Девушка ушла, но сначала она аккуратно сложила его вещи на скамейке.

– Какой же я идиот! – повторил он.

Вернувшись домой, Габриэль быстро, чтобы не попасться девушке на глаза, юркнул в свою комнату. Там он скинул обувь и лёг на кровать. Надо было обработать раны на ногах, но выходить из комнаты или даже просто встать не было ни сил, ни желания. Незаметно для себя он уснул.

Утром, крихтя от боли и стыда, Габриэль спустился вниз. В столовой, за накрытым на три персоны столом сидел Мануэль. Дочка ещё не вышла к завтраку. Завтракали они всегда плотно. В любой момент лес мог преподнести один из многочисленных сюрпризов, так что вполне можно было остаться без обеда или ужина.

– Вернулась Мариам, – сказал Мануэль. В его голосе, как и в глазах, были видны одновременно радость и тоска.

Габриэль густо покраснел, но Мануэль этого не заметил.

– А вот и она.

С появлением дочери он преобразился. Казалось, он буквально засветился нежностью и теплотой.

– Доченька, познакомься, это – Габриэль, мой друг и помощник. А это моя любимая дочь Мариам.

– Очень приятно, – пролепетал Габриэль и покраснел ещё сильнее.

Мариам улыбнулась ему улыбкой, за которой скрывался еле сдерживаемый смех.

– Габриэлю редко приходится бывать в женском обществе, – Мануэль по-своему понял замешательство друга, – на самом деле он очень весёлый и интересный юноша.

– Я уже знаю, – ответила она.

– Вот как?

– Он, как и я, любит беседку у озера.

– Так значит, вы уже успели познакомиться?

– Не совсем.

– Я сидела в беседке, а он... Увидев, что беседка занята, поспешил удалиться.

Габриэль готов был провалиться сквозь землю.

Во время завтрака говорили о пустяках. Мариам рассказывала о своей курортной жизни, расспрашивала о делах в замке, о лесе. Габриэль молча ел, глядя в тарелку так, словно тщательно изучает её содержимое. Отцу и дочери было о чём поговорить, и молчание Габриэля было им на руку. Впервые в жизни юноша был несказанно рад, что на него не обращают внимания. Осмелев, он даже начал бросать осторожные взгляды на девушку.

– Ты не представляешь, отец, как я соскучилась по родному лесу! Мы так давно не виделись, что мне не терпится встретиться с ним прямо сейчас! – воскликнула Мариам, когда завтрак подошёл к концу.

– У меня есть кое-какие дела, – ответил лесник, – но, думаю, Габриэль с удовольствием составит тебе компанию.

– Почту за честь... – пролепетал юноша.

– Вот и хорошо. А с работой я справлюсь и сам.

– Вы всегда такой молчаливый? – спросила Мариам, когда они выехали со двора.

– Дело в том, что я хотел бы принести вам свои извинения...

– Полно, сударь, забудем об этом, если вам так угодно. Расскажите лучше о себе. Как получилось, что вы стали лесником?

– Вашему отцу стало трудно одному справляться с таким количеством работы.

– Я не об этом. Почему вы стали именно лесником?

– Когда-то давно меня спасли люди, для которых лес был настоящим домом. Они и показали мне, какой он на самом деле.

– И какой же он, по-вашему, на самом деле?

– Вы любите лес?

– Очень. Я здесь выросла. В детстве я представляла, что я – настоящая лесная фея.

– В таком случае, вы тоже знаете, какой он на самом деле.

– Вы правы. Там, на морском побережье, иногда мне даже казалось, что по лесу я скучаю больше, чем по отцу. Глупо, не так ли? – она рассмеялась.

– Вы приехали домой надолго?

– На этот раз я приехала навсегда. Надоело скитаться по границам. Может, климат там и целебный, но когда все мысли о доме... Вы любите лошадей? – спросила вдруг она.

– Даже не знаю, что ответить...

– А вот Алмаз знает, – она ласково погладила своего коня по шее, – он тоже скучал, и теперь тоже рад нашей встрече. Вы понимаете, о чём я?

– Конечно.

– Тогда давайте наперегонки? Догоняйте!

Несмотря на болезнь, Мариам прекрасно управлялась с конём. Казалось, что вместе с Алмазом они были одним целым. Временами Габриэль с большим трудом поспевал за ними.

На красивой лесной поляне они спешили и отпустили лошадей.

– Пусть тоже поговорят, – сказала Мариам.

– Я действительно выросла в этом лесу, – рассказывала она. – Мама умерла, когда я была совсем ещё маленькой. Нянек отец не любил, и всё время таскал меня за собой. Дома мы только ночевали, да и то не всегда. Так что моей колыбелью была спина лошади. Когда я немного выросла, он подарил мне маленького жеребёнка. Так что Алмаз мне как брат.

– Мои родители тоже погибли. Я был совсем мальчишкой. Мы с няней долго прятались в лесу. Потом она пропала...

Габриэль вздохнул.

– Это так вы меня развлекаете?

– Простите, ради бога!

– Ну вот, он опять извиняется.

– Простите...

– Ещё раз попросите прощения, и я вас никогда не прошу. Расскажите лучше, что вы делали до того, как стали лесничим.

– Это не очень весёлая история.

– Ничего. К тому же весёлых историй, боюсь, я от вас всё равно не дождусь.

– Как я уже говорил, родители мои погибли. Мы с няней долго жили в лесу у одного человека, затем, когда она бесследно исчезла, мне пришлось идти в Эдинбург. Там совершенно случайно меня взял на службу один человек, который зарабатывал себе на жизнь...

– Да вы настоящий разбойник! – воскликнула Мариам, когда Габриэль закончил рассказ.

– В мире, где соблюдение законов обрекает человека на жалкое существование, любой сделает всё, чтобы стать разбойником.

Весёлый и обходительный, Габриэль никогда раньше так не терялся перед девушкой, и дело было совсем не в неловкости из-за вчерашнего происшествия, оно было забыто. Несмотря на то, что он знал Мариам всего один день, Габриэль не мог представить себе жизнь без этой красавицы. Мариам была настолько живой, настолько неутомимой, что казалось, будто сама жизнь бурлит в ней с неистовством горного потока. Простая, но не простушка, весёлая, жизнерадостная, красивая...

И эта девушка скоро должна умереть!

Ей оставалось всего несколько месяцев. В лучшем случае. Душа Габриэля разрывалась от боли. Он полюбил Мариам чистой, нежной любовью, и предстоящая смерть девушки обостряла все его чувства до предела. Сама же она вела себя так, будто бы и не знала, что её ожидает.

Хотя нет. Именно ожидание смерти, жизнелюбие и мужество позволяли девушке радоваться каждому дню, каждому мгновению.

Габриэль не мог покорно ждать, но разве он мог что-то сделать? Он вновь почувствовал себя тем маленьким ребёнком, у которого в одночасье исчезла почва из-под ног. В очередной раз он был бессилен что-либо изменить в судьбе близкого человека.

– Ты должен успеть сделать себе лицо, – вспомнил он такие важные и такие непонятные слова Джеймса.

Джеймс! Конечно же, он сможет найти выход, дать совет или, на худой конец, просто выслушать и поддержать! В этом Габриэль был совершенно уверен, как был уверен и в том, что сможет найти Джеймса в лесном доме.

Предчувствие оказалось верным. Джеймс сидел на пороге лесного дома. Он был таким же, как и несколько лет назад. Казалось, что даже время не властно над этим загадочным, больше похожим на сказочного героя, чем на существо из плоти и крови, человеком. Вот только кафтан сменил длинный охотничий сюртук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.